

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

№ 18 АПРЕЛЬ 1983

ДА ЗДРАВСТВУЕТ 1 МАЯ — ДЕНЬ МЕЖДУНАРОДНОЙ СОЛИДАРНОСТИ ТРУДЯЩИХСЯ В БОРЬБЕ ПРОТИВ ИМПЕРИАЛИЗМА, ЗА МИР, ДЕМОКРАТИЮ И СОЦИАЛИЗМ!

ИЗ ПРИЗЫВОВ ЦК КПСС

ЛЕНИНИЗМ — ЖИВОЕ ТВОРЧЕСКОЕ УЧЕНИЕ, ВЕРНОЕ РУКОВОДСТВО К ДЕЙСТВИЮ

22 апреля в Кремлевском Дворце съездов состоялось торжественное заседание, посвященное 113-й годовщине со дня рождения В. И. Ленина. Здесь собрались передовики производства Москвы и Подмосковья, ветераны КПСС, представители партийных, советских и общественных организаций, деятели науки и культуры, воины Советских Вооруженных Сил. Присутствуют иностранные дипломаты, зарубежные гости.

Бурными, продолжительными аплодисментами, стоя участники торжественного заседания встретили товарищей Ю. В. Андропова, Г. А. Алиева, М. С. Горбачева, В. В. Гришина, А. А. Громыко, А. Я. Пельше, Н. А. Тихонова, Д. Ф. Устинова, П. Н. Демичева, В. И. Долгих, В. В. Кузнецова, Б. Н. Пономарева, М. С. Соломенцева, М. В. Зимянина, И. В. Капитонова, К. В. Русакова, Н. И. Рыжкова.

В президиуме также Генеральный секретарь ЦК Сирийской коммунистической партии Х. Багдаш, Генеральный секретарь Коммунистической партии Чили Л. Корвалан, Генеральный секретарь Коммунистической партии Ирландии М. О'Риордан, Генеральный секретарь ЦК Народной партии Панамы Р. Д. Соуса.

Торжественное заседание открыл член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь МГК КПСС В. В. Гришин.

С докладом «Ленинизм — живое творческое учение, верное руководство к действию» выступил член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев.

Доклад был выслушан с большим вниманием и неоднократно прерывался продолжительными аплодисментами.

Торжественное заседание, посвященное 113-й годовщине со дня рождения В. И. Ленина.

Фото А. Гостева

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 18 (2911)

30 АПРЕЛЯ 1983

В НОМЕРЕ:

НАШ ВЗГЛЯД

ГОЛОС РАЗУМА

Сергей ЛОСЕВ

Кто до предела взвинчивает международную напряженность и развертывает беспрецедентную гонку вооружений по всем направлениям, кто закладывает мину под весь процесс ограничения стратегических вооружений, кто виновен в том, что женевские переговоры по ограничению ядерных вооружений средней дальности в Европе зашли в тупик?

Эти насущные вопросы в нынешние крутые времена тревожат или, во всяком случае, должны волновать всех и каждого. Исчерпывающие и ясные ответы на них даны в интервью Генерального секретаря ЦК КПСС Ю. В. Андропова журналу «Шпигель» (ФРГ).

Курс администрации Соединенных Штатов — это безудержная гонка вооружений. Иначе не назовешь. Он продиктован несбыточным стремлением американского империализма сломать сложившееся военно-стратегическое равновесие между СССР и США, Варшавским Договором и НАТО с тем, чтобы вернуть себе давно утраченное военное превосходство и с «позиции силы» диктовать затем свои условия другим государствам и народам.

Более того, речь идет не только о ядерном шантаже, но и о зловещих приготовлениях США к развязыванию термоядерного конфликта. Отсюда безумные утверждения высокопоставленных представителей администрации о возможности «выжить» и «победить» в ядерном конфликте, отсюда авантюристические доктрины «ограниченной» ядерной войны и развертывание таких новых систем оружия, которые, по мнению безответственных деятелей Пентагона, делают принятие решения о нанесении первыми ядерного удара «более приемлемым», «рациональным» и вполне «допустимым».

Пустив под откос договор ОСВ-2, администрация США предпринимает теперь опасные шаги, направленные на подрыв договора об ограничении средств противоракетной обороны (ПРО). Президент Р. Рейган уже огласил планы разработки «широкомасштабной» и, как он заявил, «высокоэффективной» ПРО.

«Авантюризм и опасность всей этой затеи в том,— указывает товарищ Ю. В. Андропов,— что расчет здесь делается на безнаказанность, на то, чтобы нанести первый ядерный удар, полагая, что могут обезопасить себя от ответного удара. Тут недалеко и до соблазна потянуться к пусковой кнопке. В этом главная опасность новой американской военной концепции. Она способна лишь приблизить мир к ядерной пропасти»...

Американская администрация ведет форсированную разработку космических средств ведения войны. Пентагон хочет забраться с оружием в космос. «Этого допустить нельзя, — указывается в ответах журналу «Шпигель». — Космос должен оставаться мирным. Мы предложили заключить международный договор о неразмещении в космосе оружия любого рода. Мы убеждены, что следует пойти даже дальше: договориться о запрещении вообще применения силы как в космическом пространстве, так и из космоса в отношении Земли».

Американские стратеги допускают явный просчет, полагая, будто США в меньшей степени, чем СССР, заинтересованы в заключении такого договора. Как предостерегают многие видные американские специалисты и ученые, Соединенные Штаты несравненно больше, чем другие государства, полагаются на спутниковые системы разведки и связи и в случае их уничтожения могут оказаться «немыми и слепыми».

Разумеется, Советский Союз в полной мере учитывает и то, что планы развертывания широкомасштабной системы ПРО и переноса войны в космос сопровождаются развитием и совершенствованием стратегических сил США с целью приобретения потенциала нанесения первого ядерного удара. Пентагон планирует дополнительно развернуть более 12 тысяч единиц одних лишь крылатых ракет большой дальности. Р. Рейган только что одобрил план развертывания ста новых межконтинентальных баллистических ракет MX, каждая из которых оснащена десятью боеголовками.

К этой задаче всемерного наращивания вооружений подогнана и американская позиция на женевских переговорах, где США не проявляют ни малейшего желания учитывать законные интересы СССР, достигнуть честного, взаимоприемлемого соглашения. А тем временем в Англии, ФРГ и Италии полным ходом идут приготовления к размещению новых американских ракет Першинг-II и крылатых ракет и создание для них стартовых позиций.

Конечно, эти расчеты перехитрить Советский Союз построены на песке. Советское руководство со всей серьезностью предупредило, что если все же США начнут размещать свои ракеты в Западной Европе, у нас найдется, чем ответить как непосредственно в отношении территории США, так и в отношении Европы. СССР не может допустить и не допустит военного превосходства США, так как от этого зависит национальная безопасность, само существование народов Советского Союза и стран Варшавского Договора.

Авантюристической линии американской администрации наша страна противопоставляет комплекс взвешенных, сбалансированных предложений. Не начинать гонки вооружений там, где ее не было, прекратить ее там, где она сейчас имеет место, — вот в чем суть нашей позиции. Искреннее стремление Советского Союза искать общий язык с американской стороной встречает понимание и поддержку в самих Соединенных Штатах. Не случайно, согласно апрельскому опросу общественного мнения, проведенному службой Харриса, 79% опрошенных американцев — причем в такой же пропорции те, кто в 1980 году голосовал за Рейгана,— заявили, что правительство США должно как можно скорее договориться с Советским Союзом о «замораживании» ядерных арсеналов двух стран и полном «запрещении производства, хранения и применения ядерного оружия». Хотят этого или не хотят в Вашингтоне, но массовое антиядерное движение уже делает политическую погоду, возрождая веру в будущее.

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

ЯДЕРНОЙ ВОЙНЕ — НЕТ!

Академик Н. Н. БЛОХИН, президент АМН СССР, Герой Социалистического Труда

Врачи яснее других понимают, чем грозит человечеству ядерная война. Не случайно они сейчас оказались в первых рядах борцов за предупреждение этой страшной опасности. Среди советских ученых, подписавших «Обращение ко всем ученым мира», немало медиков и биологов.

Международное движение врачей «Врачи мира за предотвращение ядерной войны» в ближайшее время проводит свой третий международный конгресс. Представители этого движения ведут серьезные научно-медицинские исследования, учитывающие как исторический опыт, связанный с Хиросимой и Нагасаки, так и современные, неимоверно изменившиеся за прошедшие годы возможности ядерной войны.

Врачи мира совершенно единодушны в своем мнении о невозможности проведения в наши дни какой-либо «ограниченной», «затяжной» такой войны. В случае развязывания ядерной войны неизбежна глобальная катастрофа. Повреждения в условиях ядерной войны всегда комбинированные. Это сочетание механической травмы с обширными ожогами и радиационным воздействием.

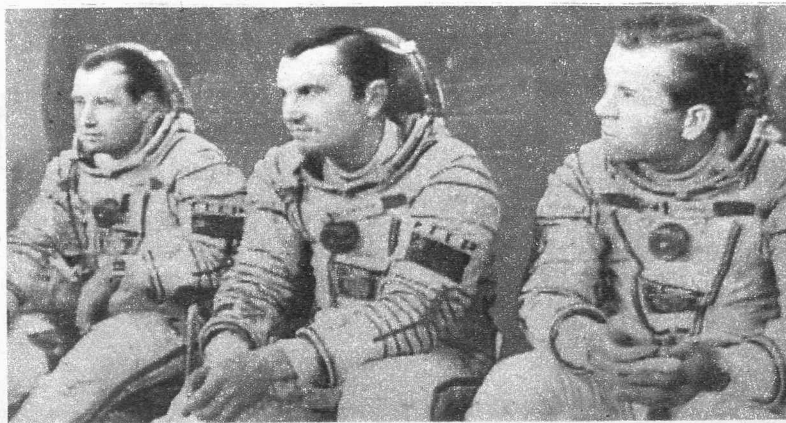
По расчетам ученых-медиков, при ядерном взрыве в городе с миллионным населением неизбежна немедленная гибель примерно трети жителей, это факт общеизвестный, будет огромное количество повреждений, которые в большинстве приведут к гибели в ближайшие дни еще примерно такого же количества людей.

Представьте себе возможность оказать какую-либо медицинскую помощь этим тяжело пострадавшим людям в условиях разбитого водопровода и канализации, разрушенных электрической сети, больниц, при остром недостатке медицинского персонала, который также страдает, как другие жители города? А кто позаботится о сотнях тысяч трупов, которые будут разлагаться и способствовать распространению тяжелых инфекций среди выживших?

Говоря об оставшихся в живых, приходится думать, что они будут завидовать погибшим. Им грозят тяжелые инфекции, лучевая болезнь, затем лейкозы и злокачественные опухоли. Тяжело повреждается генетический аппарат пострадавших, и трудно вообразить, что будут представлять собою следующие поколения, если они еще смогут существовать на нашей планете после глобальной ядерной войны.

Наш долг — сделать все, чтобы пресечь возможность ядерной войны. Легче предупредить болезнь, чем ее лечить, когда она развивается. Говоря о ядерной катастрофе, можно сказать, что, пока еще не поздно, нужно предотвратить эту страшную для человечества опасность. Если бы ядерная война все же была развязана, народы мира встретились бы с реальной угрозой прекращения жизни на Земле.

ПОЛЕТ ЗАВЕРШЕН

Число исследователей, побывавших в космосе, возросло еще на одного человека: В. Г. Титов в качестве командира экипажа совершил полет на корабле «Союз Т-8». Герои Советского Союза бортинженер Г. М. Стрекалов и космонавт-исследователь А. А. Серебров — члены этого экипажа — уже побывали в космосе: один в 1980 году, другой в 1982-м. Запуск был осуществлен 20 апреля 1983 года в соответствии с программой исследования космического пространства. Программа полета предусматривала научно-технические и медико-биологические исследования, стыковку корабля с орбитальным комплексом «Салют-7»—«Космос-1443».

Из-за отклонений от предусмотренного режима сближения стыковка корабля «Союз Т-8» с орбитальной станцией была отменена.

К концу второго рабочего дня экипаж стал готовиться к посадке. 22 апреля спускаемый аппарат корабля «Союз Т-8» мягко приземлился в заданном районе СССР в 60 километрах северо-восточнее города Аркалыка.

Состояние здоровья космонавтов Титова, Стрекалова и Сереброва хорошее.

На снимке: космонавты Г. М. Стрекалов, В. Г. Титов и А. А. Серебров после приземления.

(ТАСС)

СТРОИТСЯ ВПЕРВЫЕ

Георгий РОЗОВ

Мудреное словечко «лихтеровоз» можно перевести на русский как баржевоз, потому что по-голландски лихтер и есть баржа. Мы уже наслышаны о контейнерных перевозках. Они, как известно, ускоряют погрузку и разгрузку на всех видах транспорта. Лихтеровозы — очередной шаг в этом направлении.

Коротким северным летом с предельной нагрузкой работают порты Игарки, Дудинки, Певека и других заполярных городов. За два-три месяца сюда нужно завезти по Северному Ледовитому океану годовой запас всего, что может потребоваться промышленности и населению в течение длинной полярной зимы, и вывезти то, что было произведено. Каждый метр причальной стенки на счету. Каждый час на учете. А между тем на разгрузку обычного сухогруза уходит несколько дней.

Первый отечественный лихтеровоз ледокольного типа, «Алексей Косыгин», который строится сейчас Херсонским судостроительным производственным объединением, будет полностью разгружаться за восемь часов. При этом ему не потребуются причалы. Пришел на рейд, сбросил лихтеры на воду, и пошел дальше, а лихтерами займутся портовые буксиры. На обратном пути лихтеровоз будет собирать свою «плавучую тару», опять же не швартуясь. На лихтеровозе семь трюмов, в которых можно разместить восемьдесят два лихтера. Грузоподъемность каждого — четыреста пятьдесят три тонны. Никогда прежде на Херсонской верфи не создавали таких больших кораблей. «Алексей Косыгин» протянулся вдоль причала на двести шестьдесят два метра. Ни в один заводской корпус такую громадину не уместить. Пришлось строить отдельно две половинки судна, отдельно спускать их на воду и на плаву сваривать.

Для этого под соединенные половинки подвели кессон — устройство для частичного осушения подводной части судна — и откачали из него воду. В образовавшийся под днищем коридор спустились сразу сорок сварщиков. Им предстояло проварить около километра швов. Работа была выполнена всего за две смены! И с отличным качеством: строжайшая проверка с помощью рентгеновских аппаратов не обнаружила ни одного дефекта.

Лихтеровоз и лихтеры. **Фото автора**

Сейчас на лихтеровозе идут доделочные работы. Бригада слесарей-монтажников Григория Яковлевича Плугарева устанавливает два дизельных двигателя общей мощностью тридцать три тысячи лошадиных сил.

Тем временем в цехах завода рождается второй лихтеровоз — точная копия «Алексея Косыгина». Судосборщики из бригады Василия Васильевича Филипьева изменили технологию сборки секций.

— При норме шестьсот часов мы собираем секцию за пятьсот,— говорит Филипьев.— Собираем укрупненные узлы на предсекционной сборке. Это ускоряет и упрощает сварочные работы...

Первый советский лихтеровоз выйдет из заводского затона в декабре этого года.

ОТВРАТИТЬ УГРОЗУ!

Академик
П. Я. КОЧИНА,
Герой
Социалистического Труда

— Под Обращением советских ученых ко всем ученым мира стоит и моя подпись. По роду своей деятельности я служу одной из самых созидательных, логичных и объективных наук — математике. С помощью математики создано на земле все — дома и мосты, оросительные каналы и поезда, железные дороги и самолеты, электростанции и космические корабли... Математика входит во все науки, в сельское хозяйство и промышленность страны. И эта же математика позволяет точно вывести прогноз: если ядерную войну удастся развязать враждебным миру силам, на земле не останется ни победителей, ни побежденных, то есть существование самой жизни будет поставлено под угрозу. «...Мы со всей ответственностью заявляем, что в ядерной войне эффективных оборонительных средств нет и создание их практически невозможно»,— говорится в Обращении.

Как женщина я тоже не могу не протестовать всем своим существом против уничтожения жизни. Не случайно женщины во всем мире — самые активные сторонницы движения против ядерной опасности, за полное и всеобщее разоружение. Я мать двоих дочерей — тоже ученых, бабушка, наконец, счастливая прабабушка. Мы в муках рождаем детей не для того, чтобы они уничтожили друг друга.

С первых дней Советской власти наша страна является оплотом мира. Сейчас советские ученые готовятся к предстоящей Всесоюзной конференции ученых против ядерной войны, они принимают самое активное участие в международном движении против ракетно-ядерной опасности.

Обращение советских ученых ко всем ученым мира продиктовано глубоким знанием проблемы, острейшим осознанием угрозы, нависшей над человечеством.

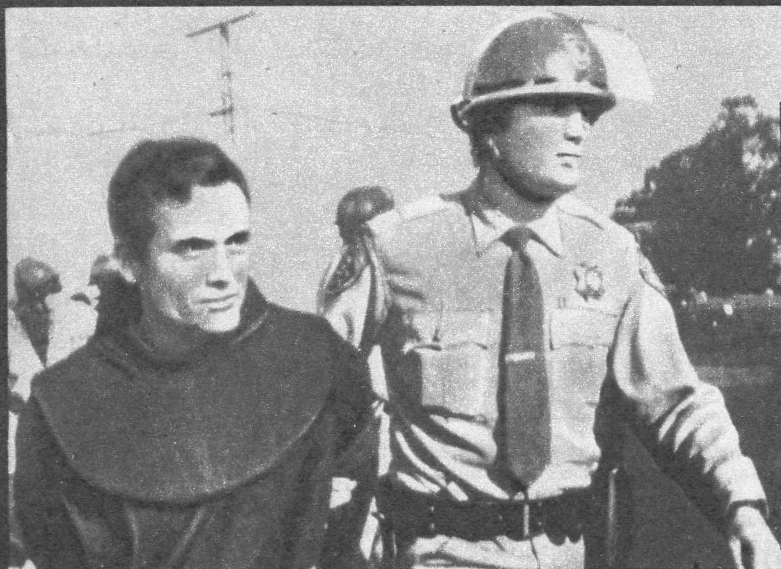
ЛЮДЯМ НУЖНА РАБОТА, А НЕ РАКЕТЫ

Многомиллионная безработица, фактическое обнищание целых социальных слоев буржуазного общества, стремительно растущая инфляция, о которую одна за другой разбиваются всевозможные программы, направленные на оздоровление экономики,— вот основные приметы жизни «свободного мира» сегодня.

Нынешний экономический кризис не первый в истории капитализма. Но по сравнению с предыдущими он имеет одно существенное отличие: никогда еще гонка вооружений, развязанная империалистами США и ряда стран НАТО, не играла в обострении кризисов столь значительной роли, какую она играет сейчас.

Сегодня народы многих стран, как никогда, ясно видят основные причины своих социальных бедствий. И поэтому их протест адресован в первую очередь тем, кто вынашивает многомиллиардные военные программы, которые ставят под угрозу не только благосостояние, но и саму жизнь.

ПАНОРАМА
МЕЖДУНАРОДНАЯ
ПАНОРАМА

США. «Остановить ядерное безумие!», «Положить конец гонке вооружений!» — под такими лозунгами прошла демонстрация протеста перед зданием лаборатории в Ливерморе (штат Калифорния), где разрабатываются новые виды ядерного оружия. Демонстрация была проведена общественной организацией «Женщины залива Сан-Франциско за мир», представляющей американок городов Окленд и Беркли.

На снимке: арест священнослужителя, принимавшего участие в манифестации протеста.

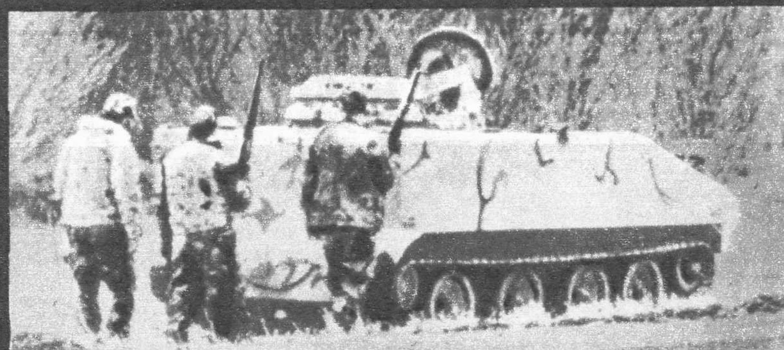
Телефото АП — ТАСС

Еще одним свидетельством большого размаха движения против размещения в Италии американских ракетно-ядерных средств средней дальности стал марш мира Милан — Комизо. С лозунгами «Европе нужен мир!», «Долой американские ракеты!» на многочисленных плакатах и транспарантах борцы за мир прошли с севера на юг страны почти 1600 километров. Их марш завершился массовой манифестацией в местечке Комизо на Сицилии, где в настоящее время ведется строительство военной базы США для размещения на ней 112 американских крылатых ракет.

На снимке: колонны демонстрантов.

Фото из журнала «Панорама»

С ТАНКАМИ ЗА НАЛОГОПЛАТЕЛЬЩИКОМ

15 апреля в США — последний день уплаты налогов за прошедший год. Службы финансового контроля объявили настоящую войну уклоняющимся от уплаты налогов, и неудивительно, что число последних растет: если каких-нибудь двадцать лет назад средний американец платил около 4 процентов от своего дохода, то ныне эта квота подскочила для многих до 50 процентов.

Теперь в систему взаимоотношений между налогоплательщиками и полицией, мобилизованной ведомством по контролю за налогообложением, все чаще вовлекается огнестрельное оружие. 13 февраля этого года 63-летний фермер из города Медина (штат Северная Дакота) Гордон Кэл и члены его семьи открыли огонь из винтовок по фининспекторам и полицейским, когда те пытались арестовать его в машине. В результате два шерифа были убиты, три полицейских и сын фермера Иоривон тяжело ранены. Сам Кэл бежал и с той поры разыскивается усиленными нарядами полиции с применением танков.

«В людях растет убеждение,— сказал один сотрудник ФБР, имея в виду случай с Кэлом,— что правительство отнимает у них землю, на которой они трудятся».

Кэл поклялся, что живым в руки полицейских не дастся.

На снимке: поиски мятежного фермера.

Фото из журнала «Шпигель»

КОПЕНГАГЕН. Ареной жестоких столкновений между полицией и демонстрантами, требующими улучшения жилищных условий, стал один из центральных районов столицы — Нерребро. Наряды полиции, использовав водометные машины и подъемные краны, начали «операцию» по выселению семей, занявших один из пустующих домов в этом районе. К месту столкновения подоспели жители района, которые воздвигли баррикады на прилежащих улицах. Сражение продолжалось несколько часов. Против полусотни молодых людей были брошены более тысячи «блюстителей порядка».

На снимке: во время столкновений.

Телефото АП — ТАСС

Впервые после второй мировой войны уровень безработицы в Западной Европе превысил 10 процентов. Наивысшее количество безработных зарегистрировано в Бельгии — свыше 14,8 процента трудоспособного населения страны.

На снимке: эти молодые люди прибыли из разных стран «Общего рынка» в Брюссель к зданию штаб-квартиры ЕЭС, чтобы потребовать обеспечения занятости среди населения.

Фото из газеты «Морнинг стар»

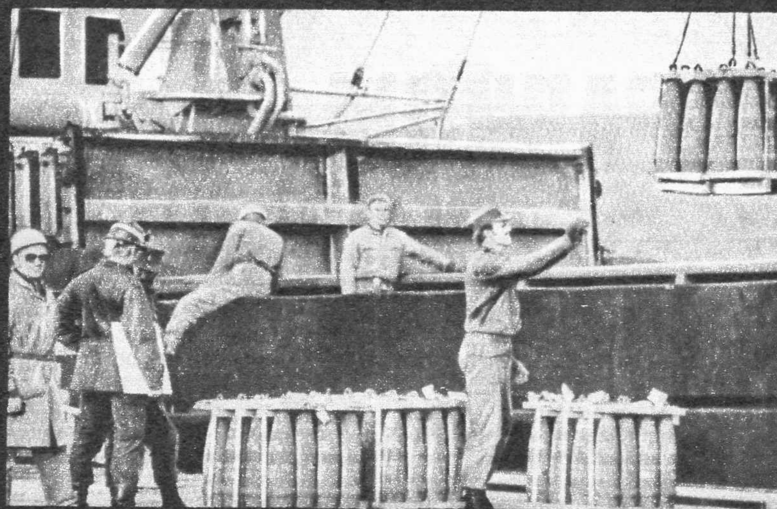
МЕЖДУНАРОДНАЯ ПАНОРАМА

Около двух тысяч жителей Торонто вышли на улицы города, чтобы осудить участие Канады в гонке ракетно-ядерных вооружений, подстегиваемой администрацией Рейгана. «Мы не хотим ядерной войны, не хотим стать жертвой ядерного оружия!» — скандировали они.

На снимке: юная участница антивоенной демонстрации в Торонто.

Фото из газеты «Торонто стар»

«РАСТОРГНУТЬ СОГЛАШЕНИЕ!»

В норвежской области Треннелаг будут размещаться склады тяжелого американского военного снаряжения. Среди складируемого оружия — артиллерийские орудия, которые могут быть использованы для стрельбы ядерными снарядами. Носителями ядерного оружия являются и большинство самолетов, которые будут сюда переброшены. Общественность Норвегии расценивает это как посягательство на суверенитет страны, требует расторгнуть это соглашение и прекратить складирование.

Разгрузка американских снарядов в норвежском порту.

Демонстранты, окруженные журналистами, преграждают путь грузовику с американскими снарядами.

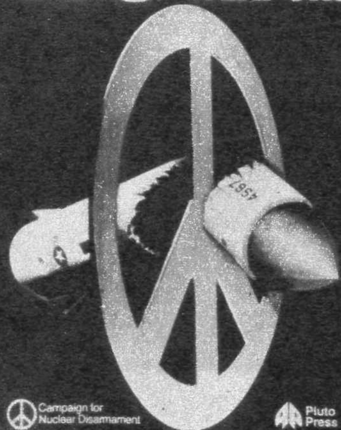
Фото из газеты «Фрихетен»

КНИГА В БОРЬБЕ ЗА МИР

«Нет — ядерному оружию!» — под таким названием в Лондоне в издательстве «Плуто пресс» вышла книга, подготовленная активистами британского «Движения за ядерное разоружение». Ее авторы — известный английский фотожурналист Питер Кеннард и публицист Рик Сизонс — убедительно рассказывают о неисчислимых бедствиях и страданиях, которые может принести ядерная война. Короткие, емкие по содержанию пояснительные тексты, броские фотомонтажи и снимки наглядно характеризуют картину милитаристского обличья сегодняшнего империализма, убедительно показывают читателю, что миллиардные суммы, выбрасываемые на гонку вооружений, есть в конечном итоге не что иное, как плата за собственную смерть и уничтожение цивилизации.

Книга была тепло встречена английскими читателями. Но главное, считают авторы, чтобы ее суть дошла до разума тех, в чьих руках находятся кнопки пультов запуска ядерных ракет, заставить их понять, что в ядерной войне победить нельзя.

На снимке: фотомонтаж из книги.

СТРАНИЦЫ ВЕЛИКОЙ ЖИЗНИ

ТВ

«СИМБИРСКАЯ ТРИЛОГИЯ» — НАЧАЛО МНОГОСЕРИЙНОГО ТЕЛЕЦИКЛА О В. И. ЛЕНИНЕ

Поначалу казались несколько непривычными актеры в современных костюмах, «представляющие» нам жизнь, общение, думы, беседы, столкновения героев, которые многие десятилетия назад жили, боролись, страдали... И побеждали самых разных противников своих...

Задача, которая ставится перед актерами, наисложнейшая. Ведь мы, зрители, и сознательно и бессознательно ищем в чертах прямого сходства с дорогими, прекрасно знакомыми каждому из нас с самых ранних лет образами семьи русских интеллигентов Ульяновых. Типично русской, а вместе с тем необыкновеннейшей семьи, давшей миру великого гения человечества — Владимира Ильича Ленина.

Картина оказалась как бы вне традиций художественной и документальной кинолениннианы, в создание которой были годами творческих усилий вложены и гигантский труд и таланты многих выдающихся мастеров советского кинематографа. А ведь эти традиции тоже оказывают на миллионы людей свое могучее влияние... Но зрители очень заинтересованно встретили новую работу.

Я отнюдь не претендую на теоретические размышления о телецикле «В. И. Ленин. Страницы жизни». Скажу просто: на мой взгляд, первые три ленты этого цикла, составившие «Симбирскую трилогию» и только что представленные телезрителям,— по-доброму чутко, интересно, ярко и талантливо рассказывают о жизни Владимира Ильича и его семьи. Мне кажется, что здесь поиски — и находки — новых средств выражения, необходимых для дальнейшего развития таких же, м а г и с т р а л ь н ы х тем нашего искусства, диктуются прежде всего самим материалом, поистине неисчерпаемым по своему характеру и значению.

Конечно же, глубокое, любовное изучение, как и досконального знание этих материалов, помогло сценаристу Егору Яковлеву и постановщику всех трех фильмов Виктору Лисаковичу найти искреннюю, а потому и глубоко волнующую тональность для своей работы. Найти вроде бы совсем простой, но очень точный ход киноповествования.

Николай Губенко — нет, не играющий Ленина, а как бы лишь от его имени, но с величайшим пониманием и тактом (любая попытка декламации, актерской позы обернулась бы здесь нестерпимым диссонансом) рассказывает:

— Зовут меня Владимир Ильич Ульянов. Родился я в Симбирске 10 апреля 1870 года...

— Вы спрашиваете, какого я происхождения, где я был, если был сослан, то за что? Каким образом я вернулся в Россию и какие действия я проявляю в настоящий момент, т. е. полезны они (эти действия) вам или вредны.

Отвечаю на все эти вопросы, кроме последнего, ибо только вы сами можете судить, полезны вам мои действия или нет...

Это строки из единственной, так и неоконченной автобиографии Владимира Ильича, начатой в ответ на запрос солдат 8-й конно-артиллерийской батареи... Весной семнадцатого года Владимир Ильич вернулся из эмиграции; солдатам-фронтовикам хотелось узнать о Ленине как можно больше. Ленин не имел ни минуты свободной. Но, разумеется, на свой «запрос» солдаты получили быстрый и своевременный ответ. В мае того же семнадцатого года в газете «Солдатская правда» Надежда Константиновна Крупская написала статью о Ленине. Называлась она «Страничка из истории Российской социал-демократической рабочей партии»... Глубокий, сильный голос Андрея Попова — он читает за кадром текст от рассказчика — сообщит нам, что статья Крупской была едва ли не первой биографией Ленина, появившейся в России.

Рассказчик — функция важнейшая в фильмах «Симбирской трилогии». Для этого рассказа требовался мастер высочайшего класса. И он нашелся. В голосе актера звучат и эпические ноты и интонации неподдельной радости, восхищения, гнева, святой ненависти... Андрей Попов, как бы предуготовляет появление на экране других артистов: Людмилы Чурсиной, Юрия Богатырева, Дмитрия Брусникина, Андрея Давыдова, Инны Алейниковой, Натальи Микольшиной, Любови Селютиной, Валентины Светловой,— произносивших тексты от имени Марии Александровны, Ильи Николаевича, Александра Ильича, Дмитрия Ильича, Анны Ильиничны, Ольги Ильиничны, Марии Ильиничны, Надежды Константиновны... Они же говорят текст еще и от имени других персонажей многофигурной телевизионной композиции, почти научно воссоздающей на телевизионном экране летопись жизни Владимира Ильича Ленина...

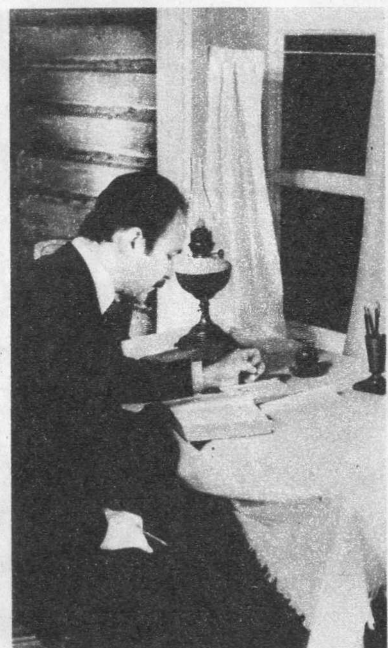
Первые семнадцать лет этой удивительной жизни приходятся на Симбирск. Здесь мы видим Владимира Ильича не в итоге всего им совершенного, а как бы в пути, который начинался именно тут... Для воссоздания атмосферы времени, в которой жила и неустанно трудилась семья Ильи Николаевича Ульянова, работавшего инспектором народных училищ, авторы «Симбирской трилогии» выводят на экран еще и Александра Герцена, Николая Чернышевского, Ивана Гончарова, Михаила Салтыкова-Щедрина, двух императоров... Появляются многие другие персонажи далеких уже теперь от нас лет... Создатели трилогии пользуются при этом богатым иконографическим материалом, старыми фотографиями; все это искусно состыковано с лирическими пейзажами родной русской природы. С экрана раздаются мысли выдающихся литераторов, философов, историков, общественных деятелей, героев революционной борьбы. И этот речевой фон тоже обрастает интересным изобразительным рядом, давая нам и углубляя понимание сути и смысла первых страниц жизни, таких важных для всей дальнейшей деятельности и борьбы Владимира Ильича Ленина.

Именно верностью высочайшим критериям истории, критериям революции отмечены первые три фильма многосерийного телецикла «В. И. Ленин. Страницы жизни».

Надо полагать, высокий публицистический накал, соединенный с интересной, живой манерой изложения, сохранится и в последующих лентах телесериала.

Феликс АНДРЕЕВ

Н. Губенко в телефильме «Симбирская трилогия».

Ал. РОМАНОВ

Касабланка от центра до окраин — вся в густой, по-весеннему яркой зелени. Колонообразные стволы пальм, пробковый дуб, атлантический кедр, мохнатый эвкалипт, берберская туя кажутся художественным творением рук человеческих.

В ресторане отеля на авеню Королевских вооруженных сил, где мы поселились, мы познакомились с историком профессором местного университета Мустафой Ибрагими, ставшим нашим добрым спутником в поездке по стране и неутомимым собеседником. Он охотно согласился сопровождать нас в Рабат и Фес.

Из Касабланки, многолюдного, шумного порта, в Рабат — столицу Марокко, куда более скромный по численности населения, спокойный, ухоженный город, ав-

ПОД ПА

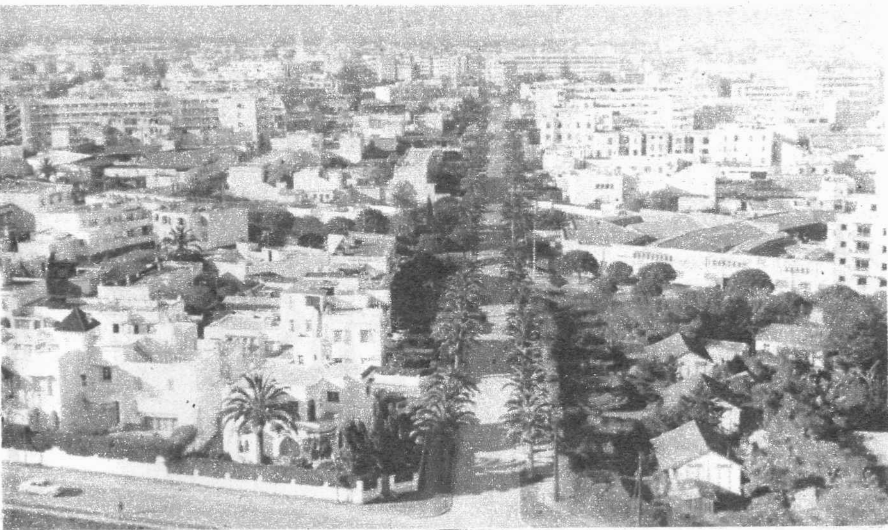
томобильные дороги пролегли по побережью Атлантического океана.

Пробившись через немыслимые скопления самых разномастных автомобилей на главных магистралях, мимо «медины» — старой части города, мимо Дома профсоюзов, возле которого, как сообщает Мустафа, обычно проходят мощные первомайские демонстрации трудящихся, мы, наконец, выезжаем... Слева остаются словно слипшиеся друг с другом строения без окон и дверей, из поставленных на ребро железобетонных плит и обыкновенной фанеры — пригородный бидонвиль с его захламленностью, грязью и прочими бедами. И вот она — дорога вдоль океана. Лазурное безоблачное небо в дальних далях сливается с бескрайним водным простором...

На обочинах часто встречаются торговцы, они пытаются привлечь проезжающих гончарными изделиями, жареными каштанами, вареными яйцами, молоком в пластиковых бидонах. Они, видимо, подолгу стоят в тени деревьев со своим товаром, но что-то незаметно, чтобы кто-то из проезжающих остановил машину. А дорога идет и идет вдаль, позади остаются оливковые, персиковые, апельсиновые, ореховые деревья, хорошо обработанные виноградники.

— Если Касабланка,— говорит Мустафа Ибрагими,— это наш ос-

ЛЬМАМИ МАРОККО

Столица Марокко — город Рабат. Фото ТАСС

новной экономический центр страны, то Рабат — ее политический центр, а Фес — центр культурно-исторический.

В Касабланке, по словам Ибрагими, сейчас проживает свыше трех миллионов жителей. Скученность населения здесь необычайная. Город весьма своеобразен в архитектурном отношении. Кажется, что здесь не встретишь и двух домов, которые были бы похожи друг на друга. Порт Касабланка самый крупный на североафриканском побережье Атлантики. Через порт проходит четыре пятых всего торгового оборота страны. Его спутник — городок Мохаммедия, расположенный неподалеку, перерабатывает все поступающие в страну нефтепродукты.

В Касабланке производится до 70 процентов промышленной продукции страны. Здесь сосредоточено не менее 65 процентов ее рабочего класса. И если повсюду в стране ощущается острый жилищный кризис, то в Касабланке он особенно чувствителен.

— Для того, чтобы хоть как-то уменьшить жилищный кризис,— говорит Мустафа,— надо вводить в строй ежегодно по крайней мере 300 тысяч квартир, пока же не строится и третьей части этого.

Не первый год в Марокко наблюдается застой и снижение производства, растут цены, падает жизненный уровень населения, увеличивается армия безработных — их число превышает два миллиона человек. На каждом шагу здесь сталкиваешься с вопиющим социальным неравенством, с поистине бедственным положением народных масс. Процесс демократизации марокканского общества, о котором шла речь несколько лет тому назад, явно застопорился. Вполне понятно, что в этих условиях усиливается борьба прогрессивных сил в защиту прав и интересов трудящихся, за демократию.

Партия прогресса и социализма Марокко, на III национальном съезде которой нам довелось присутствовать,— авангард марокканского рабочего класса, беднейшего крестьянства, революционной интеллигенции и других слоев трудящихся. Съезд показал, сколь активно она отстаивает идеи национальной независимости, демократии и прогресса. Это единственная в стране партия, которая открыто, решительно и безоговорочно выступает против курса правящих кругов на сближение с США, против создания военных баз на марокканской территории страны. Генеральный секретарь партии товарищ Али Ята хорошо известен и в нашей стране. В августе 1980 года за заслуги в борьбе за дело мира, демократии и социального прогресса, вклад в укрепление дружбы между советским и марокканским народами и в связи с 60-летием со дня рождения он был награжден орденом Дружбы народов.

Мы с большим вниманием выслушали отчетный доклад Центрального Комитета Партии прогресса и социализма, с которым товарищ Али Ята выступил на съезде. Это был глубокий и всесторонний анализ современного международного положения и внутренней обстановки в Марокко. Он был политически насыщен и полемичен в самом полном смысле этого слова.

Левые силы Марокко, несомненно, весьма представительны. К ним относится не только Партия прогресса и социализма, но и Социалистический союз народных сил, другие демократические партии, а также прогрессивные профсоюзные и общественные организации. Для успеха борьбы за демократические перемены имеет решающее значение объединение всех этих сил, создание национального демократического антиимпериалистического фронта на основе общей программы действий. Впереди выборы в муниципальные и законодательные органы. Левые силы, несомненно, могут предложить избирателям совместно выработанную демократическую альтернативу, указать путь к социально-экономическим и политическим переменам.

Нельзя в этой связи не коснуться существующих тенденций к объединению левых сил. Так, на первом заседании III съезда Партии прогресса и социализма в полном составе присутствовало Политбюро Социалистического союза народных сил. Слово для выступления было предоставлено первому секретарю этой влиятельной политической партии Абдуррахиму Буабиду. Как и Али Ята, он говорил, что первейший долг прогрессивных сил — сделать все возможное, чтобы предотвратить ядерную катастрофу, угрожающую человечеству. Он решительно осудил военную, политическую и экономическую помощь Соединенных Штатов Израилю и горячо приветствовал поддержку Советским Союзом принятого в Фесе арабского плана установления мира на Ближнем Востоке.

Сколько раз при встречах с общественными деятелями Марокко шел у нас разговор о противодействии народов всех стран и континентов политике США, которые создают военные базы на чужих территориях, сколачивают интервенционистские «силы быстрого развертывания», поддерживают диктаторские режимы, реакцию, сионизм и апартеид. С глубоким беспокойством наши собеседники рассказывали и об известных попытках Вашингтона вовлечь Марокко в осуществление своих авантюристических планов путем размещения на его территории военных баз.

Когда же мы рассказывали нашим собеседникам об усилиях Советского Союза и других социалистических стран сохранить мир на земле, предотвратить ядерную катастрофу, о советских мирных инициативах, открывающих реальную возможность остановить опасное развитие событий, отвести угрозу возникновения ядерной войны, нам с благодарностью пожимали руки и, как и наш неизменный спутник профессор университета Мустафа Ибрагими, говорили:

— О, мы знаем, мы верим...

В небольшом кафе на площади Рашиди, куда мы зашли, чтобы выпить по бокалу холодного апельсинового сока, у нас зашла речь о последних попытках сил империализма и реакции внести раскол в Организацию африканского единства, подорвать ее роль как важнейшего инструмента борьбы против колониализма и расизма, сохранения национальной независимости стран Африки и развития их сотрудничества. Наши собеседники решительно осуждали непрекращающуюся сионистско - империалистическую агрессию против арабских стран, совершаемую Израилем при неограниченной военной, политической и экономической поддержке Соединенных Штатов, отмечали мужество и стойкость отрядов Палестинского движения сопротивления и Национально-патриотических сил Ливана и резко критиковали некоторые арабские режимы, не оказавшие на деле эффективной помощи ливанцам и палестинцам, в частности, во время боев за Западный Бейрут.

О том, сколь велика опасность проникновения империализма в Северо-Западную Африку, несомненно, свидетельствуют и события в Западной Сахаре. Советский Союз, говорили мы нашим собеседникам, был и остается сторонником решения сахарской проблемы мирными политическими средствами, без какого-либо империалистического вмешательства. Жизнь настоятельно требует быстрее разрядить возникшую здесь по вине империалистов напряженность.

С кем бы мы ни встречались и ни беседовали в Касабланке, Рабате или Фесе, наши собеседники неизменно отмечали, что в советско-марокканских отношениях за минувшие десятилетия сложились добрые традиции.

Нас искренне порадовало и то, что сотрудничество Марокко с европейскими социалистическими странами также развивается уверенно, хотя и не столь широко, как хотелось бы. Как раз во время нашего пребывания в Рабате здесь было подписано соглашение о сотрудничестве между Марокко и ГДР в области радио и телевидения.

Фес когда-то был столицей Марокко. Он был основан еще в VIII веке. Все здесь, начиная от королевского дворца, кончая хижинами ремесленников, славящихся своей художественной чеканкой, напоминает о стране. Мы решили навестить нашего друга — руководителя местной организации Партии прогресса и социализма Ахмеда Мескини. Не так давно он вернулся из Москвы, где лечился у советских врачей. Он еще слаб, передвигается с костылем, но принял нас с исключительным радушием.

— Рад, бесконечно рад гостям из страны Ленина,— взволнованно повторял он. Нас тепло приветствовали также супруга Ахмеда Мескини, его дочь и многочисленные соседи и друзья.

За обеденным столом речь шла о многих жизненных проблемах, но неизменно мы возвращались к итогам общеарабского совещания в Фесе, наметившего, по словам друзей, реальный путь решения ближневосточного кризиса и вновь подтвердившего роль Организации освобождения Палестины как единственного законного представителя арабского палестинского народа и неотъемлемое национальное право палестинцев на создание независимого государства...

— Имейте в виду,— говорили наши друзья,— что принятый в Фесе арабский план установления справедливого и прочного мира на Ближнем Востоке одобрен всеми патриотическими силами Марокко. Теперь крайне важно приступить к его поэтапному выполнению. А это, как вы понимаете, настоятельно и безотлагательно потребует от арабских стран сплочения, расширения их сотрудничества и укрепления связей с подлинными союзниками и друзьями...

Из Феса мы возвращались через Мекнес. В сознании нашем все еще звучали голоса друзей, а далеко впереди светились радующие путников далекие, но отчетливо видимые огоньки.

Касабланка — Рабат — Москва.

Таир САЛАХОВ,
народный художник СССР, академик

ЕВСЕЙ МОИСЕЕНКО

Четверть века прошло с тех пор, как на одной из всесоюзных выставок зазвучала с полотна Евсея Моисеенко труба конармейца, созывавшая красных бойцов в поход, на великую битву за счастье трудового народа.

Какое бы новое произведение этого замечательного художника я ни видал потом, мне вновь и вновь слышатся в его красках эти призывные звуки. Им верен живописец в своем отношении к жизни, в своем искусстве, повествует ли о героике военных лет или исповедуется в сыновней любви к Родине, ее людям, природе.

В искусстве Моисеенко, ставшего за эти годы крупнейшим мастером, мы ценим глубокое патриотическое и общественное содержание. В его картинах пластическое решение всегда точно выражает сущность идейного замысла. С особой силой эти качества таланта художника выразились в цикле «Годы боевые», за который он был удостоен Ленинской премии в 1974 году. Вошедшие в этот цикл полотна «Товарищи», «Матери, сестры», «Комиссар», «Победа», «Черешня» давно заслужили всеобщее признание.

Чувство революционной истории, верность заветам отцов, личный опыт участника Великой Отечественной войны определяют творчество Моисеенко; каждое движение его кисти согрето страстью, отмечено острой проницательной мыслью. Глядя на холсты, слышишь голос самого художника, утверждающего, что работать над формой, над изобразительным языком произведения — значит работать над его высоким смыслом.

Прост мотив, запечатленный в картине «Товарищи». Нет тут ни жаркой битвы, ни напряженного конфликта. Но сколько идейной убежденности, нравственной чистоты и силы в героях картины — красных конниках! Как прекрасны и глубоки их человеческие взаимоотношения, сколь лирично их восприятие природы!

Мир образов живописца многообразен и сложен, как и жизнь народа, питающая неиссякаемую творческую фантазию мастера. Краски в его руках подобны мембране, чутко реагирующей на человеческий голос. Экспрессивная и в то же время суровая до аскетичности кисть Моисеенко умеет, когда это нужно, быть элегической, плавной, сохраняя при этом всю силу темперамента. В картине «Черешня» эпическое представление о легендарных походах гражданской войны удивительно тонко гармонирует с лирическими чувствами героев, их поэтичными мечтаниями о счастливом завтрашнем дне народа. Чистота помыслов, благородство защитников нового мира нашли свое воплощение и в картинах «Комиссар», «Вестники», «Речь», «Песня».

По отбору жизненного материала, по его духовному восприятию искусство художника органично сопряжено с главным направлением современной культуры. Я имею в виду не только живопись, но и музыку, поэзию, драматургию, кинематограф. В многообразии тем, мотивов творчества Моисеенко я нахожу проявление существенных черт нашего искусства, пристально всматривающегося в жизнь.

Евсей Евсеевич обладает редким счастливым даром с какой-то поистине юношеской свежестью, будто каждый раз вновь, видеть окружающую его действительность, время, в котором он живет. И это придает поистине волшебную силу его талантливым полотнам, заставляя зрителя ощущать с поразительной яркостью уже давно, казалось бы, знакомые сюжеты. Художник достигает такой неожиданной экспрессии не за счет надуманной манеры или формального изыска. Наоборот, Моисеенко стремится к предельной выразительности и ясности реалистического языка, его пластике присуща метафора, придающая холстам живописца особую сокровенность и лиричность.

Этим поэтическим качеством можно объяснить то неповторимое чувство художнической искренности и страстной гражданственной открытости, которое испытываешь, глядя на его персональную выставку, проходившую недавно в московском Центральном доме художника.

Эпиграфом к экспозиции могли бы служить слова самого автора: «Только выстраданное и пережитое может быть настоящим искусством». Эти строки неразрывно связаны со всем искусством Моисеенко, помогающим нам глубже и ответственнее видеть сегодняшний непростой мир, наполненный обостренной борьбой добра и зла. Мастер прожил большую и сложную жизнь. Опыт сердца, совесть художника позволяют ему четко видеть грани грандиозной битвы за мир.

Выставка была расположена в нескольких просторных залах. Свыше четырехсот полотен, сотни эскизов, станковых рисунков, набросков. Но потрясала не только эта вселенная творчества живописца, отражавшая его многогранную и добрую душу. Особое очарование вызывало присущее его картинам удивительно трепетное осмысление ассоциативного ряда пластических образов. Не менее характерным для искусства Евсея Моисеенко является абсолютный музыкальный слух, позволяющий ему как бы слышать голос времени и находить поэтому особо тонкие созвучия композиции, колорита, рисунка.

Вчера, сегодня, завтра... Они ощутимы почти в каждой картине мастера. И эта неоднозначность, порою не сразу уловимая, требующая напряженного внимания и осмысления, придает его холстам ту многоцветную многозвучность, которой обладает сама жизнь. Искусство Моисеенко отличается глубиной мировидения. В его полотнах то разлита щемящая, берущая за сердце печаль, то вдруг близко раскрываются прозрачные, мажорные аккорды радости бытия. И в этом соседстве света и тени, горя и веселья — великолепная истинность картин художника. В них царит дух мечты, преодоления и той магической объемности, которые отличают творения большого искусства.

Мастеру чужды мелкотемье, серость натуралистического бытописательства. Мир больших человеческих страстей, высокой поэзии, напряженная и яростная борьба за правое дело — вот лейтмотив его картин. Было бы неверно не отметить на выставке целый ряд небольших, иногда ранее неизвестных пейзажей живописца, где раскрывается сыновнее чувство любви к Родине, или интимные лирические портреты, полные душевного тепла и сердечности. Евсей Моисеенко — гуманист в самом высоком смысле этого слова. И когда вглядываешься в трогательные образы его белобрысых мальчишек или вдруг замечаешь, как расцветают весенние цветы на спиленных стволах яблонь, то во всем этом видишь непобедимую и вечную жизнь. Да, именно жизнь, горькая и светлая, всегда восхищает художника. Внимание к Человеку, к его бытию, неутомимое желание сражаться за людское достоинство, за верность, честность, доброту — в этом рыцарское пристрастие Моисеенко, и он не устает говорить об этом в своих холстах.

Тема войны и мира — центральная тема жизни нашей планеты. И поэтому мне хочется вспомнить об одной из наиболее значительных картин во всей экспозиции работ Моисеенко.

«Победа». Этот холст окончен в 1972 году, и в нем — память сердца художника, прошедшего войну.

...Руины разбитого дома. Искореженная лестничная клетка. Хаос. Резкий пучок света выхватил из мрака две фигуры. Во внезапно наступившей тишине кричит, кричит солдат, оставшийся жить. В его объятиях поникшее тело мертвого соратника, товарища, друга. Жизнь и смерть. Страшная правда войны. Кричит, кричит живой солдат, обращаясь ко всем нам...

Так претворенный в душе художника трагический эпизод становится утверждением жизни. Моисеенко в этой картине душой ощутил пульс эпохи. И со всей страстью сердца, всей мощью кисти и художнического дара воплотил этот призыв к жизни в форме строгой, монументальной, правдивой.

Я немало часов провел на выставке работ Моисеенко. Многие картины были давно изучены, некоторые холсты я увидел впервые. Меня все время не покидало чувство новизны, открытия, радости. Полотна Евсея Евсеевича Моисеенко несли в себе такой эмоциональный заряд борьбы, жизнелюбия, добра, иногда мягкой иронии, что никого не могли оставить равнодушным.

Иногда судьба помогает узнать ближе полюбившегося художника. Несколько лет тому назад мне довелось совершить вместе с группой советских мастеров, среди которых был и Евсей Моисеенко, большую поездку по Испании. Все мы были взволнованы и восхищены встречей с прекрасной страной, родиной Веласкеса и Гойи, Сервантеса и Лопе де Вега. Не могу забыть пылкой возбужденности и огромного творческого подъема, который охватил Моисеенко. Он буквально ни на минуту не расставался с альбомом. Надо было видеть, как Евсей Евсеевич вглядывался в шедевры мадридского Прадо, как восхищался чудесной архитектурой Кордовы и Севильи, как восторгался таинственным мастерством Эль Греко в Толедо. В те дни мне еще ярче открылся его характер, всепоглощающая страсть к живописи, преданность труду, огромное уважение к традициям.

Это еще раз подтвердило, что даже самые смелые новаторы в живописи, такие, как Моисеенко, не только не минуют традиции классики, но пристально изучают шедевры мировой и отечественной культуры...

Сегодня Евсей Евсеевич Моисеенко в расцвете своего дарования. Его искусство, сложное и прекрасное, обращено в завтра.

Е. Моисеенко. Род. 1916. 9 МАЯ. 1973—1975.

Е. Моисеенко. ПАМЯТЬ. 1980.

РОБОТ ВМЕСТО ШАХТЕРА?

Я вошел в лабораторию механизации подземных горных работ Института горного дела АН Казахской ССР и замер. В большом зале с очень высоким потолком громоздились какие-то механизмы на колесах и без оных, мигали сигнальные лампочки на пультах управления, тянулись от них пучки проводов, а на полу валялись глыбы гранита, просверленные насквозь. Я понял, что здесь тренировался подземный робот, или, как его называют ученые, машина для безлюдной (то есть без участия шахтеров) выемки руды.

— Создание подземных роботов,— объяснял заведующий лабораторией Артем Михайлович Ткаченко,— сейчас кому-то может показаться фантастикой, а между тем это уже задача насущного дня и ближайшего будущего. Это диктуется и тем, что условия труда под землей остаются одними из самых тяжелых, и тем, что многие шахты постоянно испытывают дефицит в рабочей силе.

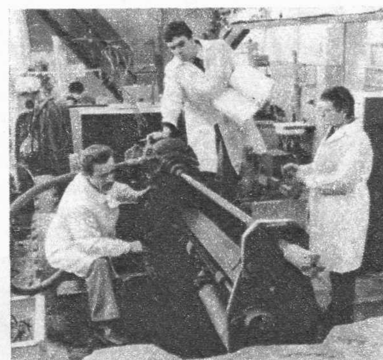
Конечно, горные роботы будут отличаться от роботов заводских. Дело в том, что горные условия специфичны и весьма изменчивы. Поэтому мы должны научить железного шахтера принимать решения в зависимости от меняющихся условий — твердости пласта, наличия осыпей, загазованности, влажности... Теоретически это просто: снабдим робота датчиками и подключим к ЭВМ. Возросла, например, твердость породы, и ЭВМ скомандует роботу увеличить скорость вращения бура или усилить давление на пласт... Собственно говоря, под землей будет работать не просто робот, а целый их комплекс, они будут делать все — бурить и взрывать породу, грузить и подавать на-гора, очищать забой и двигать крепь...

— Но тогда шахтерам под землей делать будет нечего?

— Мы и мечтаем об этом.

Ю. ЛУШИН,
собкор «Огонька»
Фото автора

Алма-Ата.

С ЧЕГО НАЧАЛСЯ МУЗЕЙ

Каждый вечер десятки центральных газет, полоса к полосе, проходят через передающую аппаратуру в Москве и принимаются в сорока шести советских городах. В Тбилиси этим занимается телеграф, цех приема газет по каналам связи. Персонально — начальник цеха Мамука Григорьевич Чантурая.

Посвятив себя с мальчишеских лет радиолюбительству, он собирал все, что попадалось под руку: старые детекторные приемники, громкоговорители, аппаратуру. Не просто собирал, но чинил, омолаживал. Учился

на связиста в техникуме, потом в институте. Одновременно работал на телеграфе. Самая первая дуплексная (приемопередаточная) связь по фототелеграфу Москва — Тбилиси была поручена ему в августе 1950 года. Потом он открывал еще шесть магистральных фототелеграфных каналов с другими городами Союза, а также между городами республики. И всюду, где бывал, искал старую аппаратуру — то ламповый приемник образца 1928 года, то аппараты Морзе или приборы Сименса и Гальске. Реставрировал их, превращал в действующие устройства. Сложилась большая домашняя коллекция.

И все это легло в основу организованного при Министерстве связи Грузинской ССР Музея связи. В акте приемки коллекции от М. Г. Чантурая указано: 93 экспоната общим количеством 228 предметов.

— Нет, я не отрывал это от сердца,— говорит он.— С самого начала знал, что собираю для всех.

И. МЕСХИ,
собкор «Огонька»

На снимке: М. Г. Чантурая.
Фото В. Моргунова

Тбилиси.

ЗАЯЧЬЯ ФЕРМА

Вот он — белый, ушастый, сердитый... Вырывается, хрипит, норовит поцарапать. Удержать его в руках — нужна сноровка. Хотя и живет этот косоглазый на ферме более года, но привыкнуть не может: не нравится ему в клетке. Да и обращение здесь, на заячий взгляд, порой не очень деликатное: схватят тебя за уши, чтобы фотокорреспондент сделал кадр, и хоть ворчи от злости, хоть плачь — никто тебя не пожалеет... И невдомек косому, что люди пошли на клеточное содержание зверьков не от хорошей заячьей жизни: мало их, ушастых, стало на Украине, очень мало...

В Борзнянском опытно-экспериментальном хозяйстве, что на Черниговщине, в специальном питомнике содержится около полусотни зайцев-русаков. Вот уже несколько лет охотоведы пытались выращивать этих зверьков в неволе. И — неудачно. Опыты проводились вслепую. Каким должен быть рацион питания, режим, условия содержания — никто точно сказать не мог.

Надо искать, исследовать, экспериментировать, но и помнить при этом, что ошибки при вмешательстве людей в дела природы приводят порой к плачевным результатам...

Зайцы-русаки долго не признавали ферму своим новым домом, и только недавно у специалистов появились надежды на успех. Рекомендации по содержанию и кормлению животных подготовили для фермы ученые Института зоологии АН УССР. Как показали исследования, меню зайцев состоит из 65 видов растений! Словом, стол богат и разнообразен. Таков он теперь и на ферме. Зверьки понемногу осваиваются, у них хороший аппетит.

— Как только зайчата достигают двухмесячного возраста,— объясняет директор питомника Виктор Петрович Мурай,— мы их выпускаем на волю. В прошлом году таких было более трехсот. Надеемся, что и в этом году вырастим не меньше. Живут «наши» зайцы в окрестных лесах, где охота на них полностью запрещена. На довольно большой территории — восемь тысяч гектаров — у них практически нет врагов: ни волков, ни лисиц, ни пернатых хищников. А от браконьеров их защищают сами охотники...

В. СТОЯНОВ
Фото автора

Черниговская область.

ИНФОРМАЦИЯ... ИНФОРМАЦИЯ... ИНФОРМАЦИЯ... ИНФОРМАЦИЯ...

«Огонек» выступил. Что сделано?

В № 4 журнала «Огонек» была опубликована статья Е. Богатырева «Почему отстает легкая атлетика?», в которой критике было подвергнуто положение в одном из ведущих олимпийских видов спорта. Редакция получила следующий ответ Федерации легкой атлетики СССР:

«Статья Е. Богатырева «Почему отстает легкая атлетика?» была рассмотрена на расширенном заседании президиума Федерации легкой атлетики СССР 24 февраля с. г. и Главном тренерском совете сборных команд СССР по легкой атлетике 14 марта с. г. В обсуждении статьи приняли участие специалисты легкоатлетического спорта, заслуженные тренеры СССР и союзных республик, врачи, ученые, спортивные руководители. Критические замечания, высказанные в статье, справедливы. В феврале с. г. коллегия Спорткомитета СССР рассмотрела вопрос «О серьезных недостатках в подготовке советских легкоатлетов к XXIII Олимпийским играм 1984 года и мерах по их устранению».

В последнее время принят ряд мер по решению проблем, затронутых в статье «Почему отстает легкая атлетика?». Повышена персональная ответственность главных специалистов по видам, тренеров сборной команды страны на местах, федераций легкой атлетики союзных республик, ДСО за неукоснительное выполнение заданий сводного плана олимпийской подготовки.

Главному тренерскому совету предложено проводить совместные сборы команд СССР в одном месте, строго руководствоваться утвержденными принципами отбора кандидатов в сборные команды страны для участия в международных соревнованиях.

Категорически запрещено считать воспитанниками старших тренеров сборной команды страны спортсменов, лично ими не подготовленных, расширены права личных тренеров.

Принимаются дополнительные меры по повышению уровня политической, идейно-воспитательной и культурно-массовой работы на базах олимпийской подготовки, а также индивидуальной работы с кандидатами в сборные команды СССР и тренерами.

Внесены коррективы в Единую Всесоюзную спортивную классификацию по ряду видов с учетом тенденций развития мировой и отечественной легкой атлетики.

Разработаны нормативные требования к спортсменам для включения в основной, запасной, резервный составы сборных команд страны.

Заканчивается разработка программ подготовки спортсменов по различным специализациям, начиная с детско-юношеского возраста до включения кандидатами в сборные команды страны.

Начата подготовка к выпуску реферативного сборника лучших диссертационных работ по вопросам подготовки легкоатлетов высокого класса.

Выражаем благодарность редакции за внимание к проблемам легкоатлетического спорта».

Председатель Федерации легкой атлетики СССР
Л. С. ХОМЕНКОВ,
доктор педагогических наук,
первый вице-президент ИАФФ.
Председатель главного тренерского Совета сборных команд СССР по легкой атлетике
Н. И. ПОЛИТИКО,
заслуженный тренер СССР.

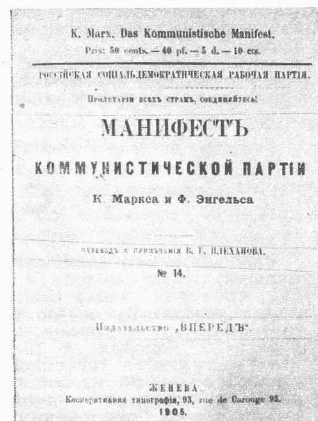
ВЕЛИКИЙ МЫСЛИТЕЛЬ И РЕВОЛЮЦИОНЕР

К. Маркс. 1861 год.

ДА ЗДРАВСТВУЕТ МАРКСИЗМ-ЛЕНИНИЗМ — ВЕЧНО ЖИВОЕ РЕВОЛЮЦИОННОЕ ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОЕ УЧЕНИЕ!

Из Призывов ЦК КПСС

K. Marx. Das Kommunistische Manifest.
Prix: 50 cents. — 40 pf. — 5 d. — 10 cts.

РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛЬДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТІЯ.

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

МАНИФЕСТЪ
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТІИ
К. Маркса и Ф. Энгельса

Переводъ и примѣчанія Г. В. ПЛЕХАНОВА.

№ 14.

Издательство „ВПЕРЕДЪ“.

ЖЕНЕВА.
Кооперативная типографія, 93, rue de Carouge 93.
1905.

Титульный лист «Манифеста Коммунистической партии». Женева, 1905 год.

Ф. ЭНГЕЛЬС

«Маркс благодаря своим теоретическим и практическим заслугам завоевал себе такое положение, что лучшие люди в рабочем движении различных стран относятся к нему с полным доверием. В решительные моменты они обращаются к нему за советом и обычно убеждаются в том, что его совет самый лучший. Таково его положение в Германии, во Франции, в России, не говоря уже о малых странах. Стало быть, не Маркс навязывает людям свое мнение и уж тем более свою волю, а эти люди сами приходят к нему. И именно на этом основано своеобразное и крайне важное для всего движения влияние Маркса».

В. И. ЛЕНИН

«У Маркса нет ни тени попыток сочинять утопии, по-пустому гадать насчет того, чего знать нельзя. ...Вместо схоластически-выдуманных, «сочиненных» определений и бесплодных споров о словах (что социализм, что коммунизм), Маркс дает анализ того, что можно бы назвать ступенями экономической зрелости коммунизма».

МОРИС ТОРЕЗ

«Маркс писал о наших прадедах — коммунарах, что они штурмовали небо. Это было образное выражение. Но теперь его можно употребить в буквальном смысле слова, когда речь заходит о подвигах великой советской коммуны».

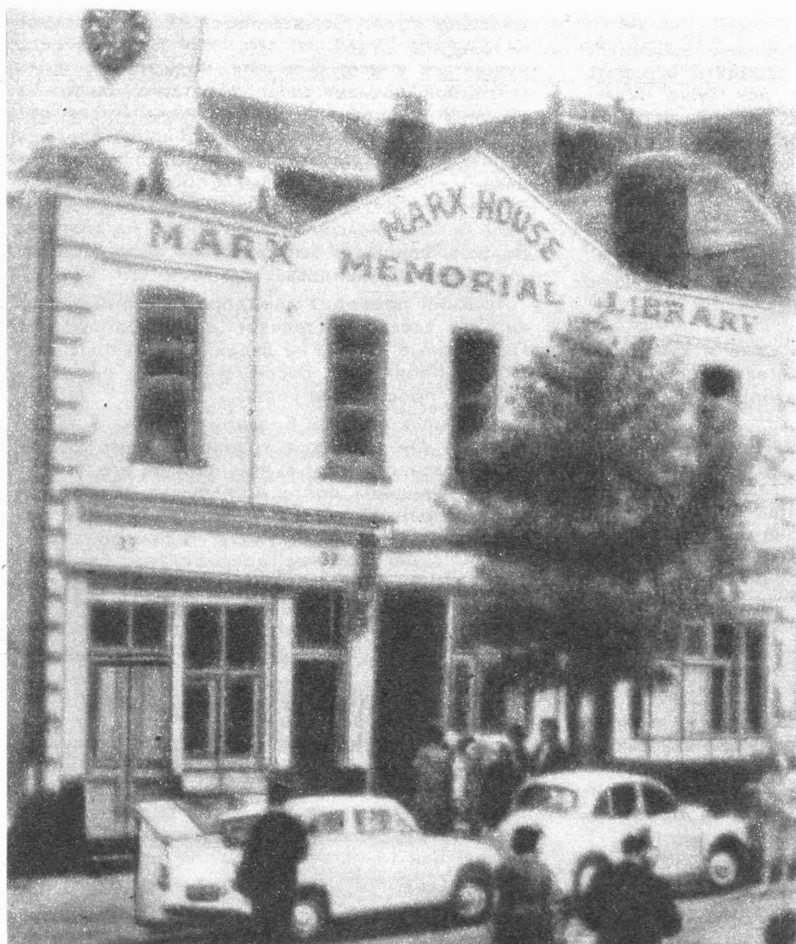
Генеральный секретарь ЦК КПСС Ю. В. АНДРОПОВ

«Ленин часто говорил, что всю свою деятельность он постоянно сверяет с Марксом. С Марксом, Энгельсом, Лениным сверяет каждый свой шаг КПСС.

Сверяться с Марксом, с марксизмом-ленинизмом — отнюдь не значит механически «сличать» движущуюся жизнь с теми или иными формулами. Мы были бы никудышными последователями наших учителей, если бы довольствовались повторением открытых ими истин, полагались на магическую силу однажды заученных цитат».

Генеральный секретарь ЦК СЕПГ, Председатель Государственного совета ГДР Э. ХОНЕККЕР

«Карл Маркс ставил своей задачей не только объяснить мир, но и изменить его. С тех пор мир действительно изменился и притом в гигантских масштабах. Сегодня очевидно, что это обновление всех форм существования человеческого общества произошло революционным путем в духе Карла Маркса, а не в духе тех, кто с ненавистью преследовал его всю жизнь и после его смерти безуспешно пытался загасить жизненную силу его учения».

Дом Карла Маркса в Лондоне по адресу: Клеркенуэлл-грин, 37а. Здесь помещается мемориальная библиотека Маркса. В 1902—1903 годах тут находилась редакция газеты «Искра», руководимой В. И. Лениным.

В. И. Ленин на открытии временного памятника Марксу и Энгельсу в Москве 7 ноября 1918 года.

Участники I конгресса I Интернационала. 1866 год.

К. Маркс с дочерьми Женни, Элеонорой, Лаурой и Ф. Энгельс. Фото 60-х годов XIX века.

Наталья
ЮРЬЕВА

К Р Е Д О

ПОВЕСТЬ

Рисунки И. ПЧЕЛКО

1

— Не стану скрывать от вас, опасаюсь, что благоприятный момент для хирургического вмешательства упущен.— Доктор Трахнин опускает на стол рентгеновские снимки. И, помедлив: — Хирургическое вмешательство в данном случае не всегда дает желаемый результат. С этим люди живут...

Марина постепенно приходит в себя. Мир не рухнул. Так же светит за окном солнце. Трахнин так же расположен, приветлив.

— Кстати, доктор Сухов на днях защищает диссертацию. Ваш случай — еще одно подтверждение: оперативное вмешательство необходимо на ранней стадии.— Интонацией подчеркивает: — На ранней.

Она не выдерживает:

— Яков Матвеевич! Вы же сами не соглашались на операцию. Вы говорили: «Мы оставляем вас под своим наблюдением. Момент, когда операция станет необходимой, не будет нами пропущен...»

Чего она ждет от него сейчас? Слова! Ими ничего не исправить...

Трахнин разводит руками:

— Пути болезни неисповедимы!

...Марина медленно идет больничным парком. Эта березовая рощица всякий раз наново привлекала ее своей белоснежной праздничностью. Сейчас она ничего не замечает. Не слышит, как шуршат под ногами сухие листья, не ощущает едва уловимого еще запаха прели.

«Больной желает быть обманутым — пусть же обманывается!»— горько стучит в голове когда-то где-то прочитанное.

С самого начала ей было удобно верить ему, Трахнину. Плохие анализы появились во время беременности, насторожили врача в женской консультации, вынудили настаивать на обследовании. Обследование предстояло тяжелое.

Но Трахнин, консультант поликлиники, к которой прикреплена Марина, говорил со свойственной ему мягкой полуулыбкой:

— Рожайте! Обследование от нас не уйдет!

Считалось, что Трахнину можно верить. Он авторитет в своей области.

А Марина?

С первыми приступами болезни вспыхнула в ней отчаянная решимость оградить, оградить от всего своего будущего, нет, уже живущего, уже шевельнувшегося в ней ребенка. Ей так хотелось, чтобы все было, как бывает у всех (так она думала тогда): спокойная беременность, нормальные роды... Позиция Трахнина ее устраивала. И все-таки...

— Ну а если что-либо во время родов?

— Я здесь, за стеной.

Его клиника действительно имела общую стену с родильным домом.

Родился мальчик.

Анализы становились все хуже и хуже. Состояние Марины тоже. Терапевт настаивал на обследовании, теперь уже в больничных условиях.

— Кормите! — говорил Трахнин.—Сейчас это главное.

Это было действительно главным для нее. И, если он не настаивал... Как-никак, ведь он же отвечал за нее — так она думала тогда... Озабоченным Марина впервые увидела Трахнина, когда мальчику исполнился годик. Ее состояние было таким, что он предложил ей немедленно лечь в его клинику.

Обследования... Осмотры... Рентген... Диагноз Марина узнала еще в рентгеновском кабинете.

— Ну, что ты расстраиваешься? — утешала врач-рентгенолог ее, плачущую.— Соперируют! Я сама уже после третьей операции...

«Операция? Да, конечно,— думала Марина.— Поскорей, поскорей устранить болезнь». Она торопила, настаивала на операции.

Трахнин, однако, рассудил по-иному:

— Мы оставляем вас под своим наблюдением,— сказал он Марине при выписке.— Момент, когда операция действительно станет необходимой, не будет нами пропущен.

Не будет?

...Низкое, закатное солнце бьет в стекла, слепит глаза. Трахнин подходит к окну, задергивает занавеси.

Медленно удаляющаяся, подчеркнуто одинокая, темная фигурка на фоне светящихся берез.

Трахнин угадывает: Марина Петрова. Сейчас он особенно остро ощущает сложность ее положения. Жалость? Нет. Лишь трезвый анализ ситуации. Это не первый и, разумеется, не последний случай в его практике. Медицина не всесильна. Его мать скончалась на его руках, в его клинике. И не в его силах было спасти ее...

Петрова с самого начала оказалась неудобной больной. Беременность. Необходимость сохранения плода. Грудной ребенок... Средоточие проблем. А он — знающий врач, опытный диагност, одаренный хирург,— теперь он вынужден был оберегать себя от излишних сложностей. Помнить прежде всего о своем больном сердце.

После обследования ему стало предельно ясно: время упущено. Может быть, следовало рискнуть оперировать больную тогда же, но слишком велик был бы риск. А он, Трахнин, раз навсегда установил для себя: никакого риска ни в чем. Все, что достигнуто,— потолок. Собственно, не так уж мало достигнуто! Звание. Авторитет. Клиника — о такой лишь мечтают.

Вот один за другим отъезжают на своих машинах от главного подъезда молодые преуспевающие врачи — его ученики. Им осваивать новое — рисковать.

Защитит диссертацию Сухов — честь клинике. На него Трахнин надеется возложить многое. Ему кажется, ставка верная. У Сухова хорошие руки. Осмотрителен. В меру смел. К тому же Сухов из тех, кто будет всегда нуждаться в его, Трахнина, поддержке.

Трахнин снимает халат, аккуратно вешает на плечики в шкаф. А эта больная... После обследования, узнав, что с ней, она поверила в операцию как в исход. Мог ли он тогда лишить ее и этой надежды? Собственно, он не обманывал ее. С этим живут. Бывает, живут годами. Однако случилось так, что на этот раз болезнь слишком быстро взяла свое. Состояние резко ухудшилось.

Трахнин проходит коридорами своей клиники. Это всегда доставляет ему удовольствие. Просторные палаты на двоих, на четверых максимум. Кабинеты с современнейшим оборудованием, просторные холлы...

Но мысль об этой больной почему-то не отступает. Он пытается трезво оценить обстановку: единственно, в чем можно его упрекнуть,— слишком долго откладывал обследование. На ранней стадии болезни — это как раз предстоит доказать Сухову своей диссертацией — такие больные операбельны. Но, собственно, Петрова сама охотно шла на всяческие оттяжки. Кстати, нелишне будет уточнить, нашло ли это свое отражение в истории ее болезни!

...Марина спускается в метро, в вагоне садится в укромный уголок: так не хочется, чтобы кто-либо увидел сейчас ее глаза. Вынимает из сумки книгу — не читает, бездумно водит взглядом по строчкам. И вдруг...

Она перечитывает это место снова и снова: «Боги, боги мои! Как грустна вечерняя земля! Как таинственны туманы над болотами. Кто блуждал в этих туманах, кто много страдал перед смертью, кто летел над этой землей, неся на себе непосильный груз, тот это знает. Это знает уставший. И он без сожаления покидает туманы земли, ее болотца и реки, он отдается с легким сердцем в руки смерти, зная, что только она одна успокоит его ». Это Булгаков.

Слова обволакивают, будто зовут отдаться на волю судьбы. Марина прикрывает веки. И тотчас перед ней возникает ее малыш: темноглазый, с шапкой вьющихся волос.

Пугаясь чего-нибудь, он спешит к ней на своих только теперь начинающих выпрямляться ножках,— такой он был тяжеленький все это время. Обхватывает ручонками, зарывается теплым розовым личиком в ее колени...

Как она посмела забыть о нем, она, которая так нужна ему?! Сдаться? Нет! Она будет бороться. Бороться!

2

Как много стали значить в жизни Марины люди в белых халатах.

...Известный хирург Конецкий принял мать Марины дома. Марина не пошла с нею — слышала, с каким трудом дозванивалась до него мать, добиваясь встречи, понимала, как напряженно у него со временем, думала, достаточно будет ему посмотреть снимки.

Этот случай профессионально заинтересовал Конецкого. Вдруг отодвинулась, показалась не главным верстка статьи, которую правил перед приходом этой женщины.

Он внимательно рассмотрел снимки.

— Где больная?! — И в ответ на смущенные объяснения матери: — Я не лечу заочно. Могу дать вам,— он взглянул на часы,— сорок минут...

Мать разыскала Марину. И вот она у Конец-

кого. С доверчивым ожиданием смотрит на него.

Подтянут, спортивен. Здороваясь, снял очки. Взгляд строгий и отрешенный — мыслями он весь еще в разложенных на столе бумагах. Манера разговаривать краткая, отрывистая — подчеркивает, как дорого ему время.

Внимательно оглядел Марину. «Совсем девочка!» — подумал он, хотя знал, что болезнь развилась в беременность. Во всем ее облике нетерпеливое ожидание.

Теперь Конецкий рассматривал ее направленно: цветущий вид. Никаких внешних признаков заболевания как будто. Видимо, развившаяся бурно болезнь еще не успела наложить отпечаток на внешний облик.

Течение болезни ясно ему. Остается пальпация. Он испытывал знакомое нетерпение в кончиках пальцев... Внезапное нарушение распорядка дня более не тяготило.

...Что ж! Операцию действительно делать поздно — сам он не решился бы на это.

Грустные парадоксы его профессии. О таком состоянии организма перед операцией можно только мечтать. В его практике обычно бывает по-иному: приходится оперировать, когда больной ослаблен болезнью до предела.

И тем не менее... Помочь этой женщине он бессилен.

В глазах у нее вопрос. За ним, конечно, последуют еще и еще — он знал это. И это вызывало в нем раздражение. Профессиональный интерес утратил уже свою власть над ним. Верстка статьи, которую надо сдавать, снова стала главным для него на сегодня.

И решительно, словно бы предваряя вопросы:

— Сейчас не скажу вам ничего. Я должен обдумать. Звоните мне. Когда? Ну, скажем, через три дня.

Говоря это, он почти физически ощущал ее недоверие. Думать о ее болезни три дня, когда каждый день его уплотнен до предела! Ближайшему его окружению известно: встает в шесть утра — только в это время матери удавалось созваниваться с ним. Гимнастика, душ, завтрак. В семь пятнадцать — такси. Клиника на другом конце города. Почту просматривает в дороге. Операции... Лекции... Вечера уходят на подготовку к лекциям, на статьи. Даже для общения с домочадцами и детьми строго отведено время...

«Думать о ее болезни три дня!» Марина верила и не верила. Тем не менее ждала.

...Когда она позвонила, Конецкий не без труда вспомнил, кто она. И о чем речь...

3

...Новейшее изотопное обследование — Марину направили в этот институт.

Высокий парень в белом халате (представился — Константин Петрович) просит посидеть в коридоре.

— Заканчиваем обследование больного. За ним вы.

Очень долгое ожидание. Марине хочется встать и уйти. Ни к чему это. Все уже и без того ясно.

Константин Петрович время от времени высылает к ней практиканта. Обследование непредвиденно затянулось. Пусть наберется терпения, ждет.

Практикант желтовато-смуглый, узкоглазый. Прижимает по-восточному руки к груди, широко улыбается:

— Еще немного!

Марина очень продрогла. Просит разрешения взять пальто в раздевалке.

Короткий день поздней осени. Смеркается. Бесконечны пустынные коридоры. Обитые жестью двери. Бросающиеся в глаза надписи: «Вход воспрещен». Кричащие знаки радиоактивности: круг из чередующихся желтых и красных секторов. Похоже, она заблудилась,

возвращаясь из гардероба. Ей становится жутко. Неожиданно из-за поворота появляется Константин Петрович.

— Вы почему здесь? Вам нельзя.

Он сжимает в руке ампулу. (Изотопы, догадывается Марина.) Ведет ее за собою в лифт.

— Константин Петрович, вы врач?

— И врач и инженер.

— Неужели два института?

Снова усаживает ее в коридоре. Марина прикидывает такое и для себя. Она инженер. А могла бы стать еще и врачом! Могла бы?..

Опять ожидание. Становится тревожно за того больного, что в кабинете,— видимо, что-то нехорошо у него.

Чувствует, как разгорелось лицо. Прячет его в воротник пальто. Полудрема.

Перед ней останавливается среднего роста человек с гладкими светлыми волосами:

— Пожалуйста!

Он уже несколько раз проходил мимо. По манере держаться Марина понимает: здесь он главный.

Ее укладывают на стол, делают укол в вену — это так привычно уже... Предупреждают: лежать придется долго. Не двигаться.

Марина тихонько поворачивает голову. Одна из стен — сплошь в высоких приборных шкафах. Главный (так она назвала его для себя) переходит от пульта к пульту. Просматривает бумажную ленту самописцев. Пульты выбрасывают фотографии...

Лицо Главного сосредоточено. В комнате молчание. Тихонько гудят машины.

Внезапно его лицо становится напряженным. Он вновь и вновь нажимает на педаль пульта. Нетерпеливо выхватывает одну за другой фотографии. Рассматривает. На лбу выступают крупные капли пота, досадливо смахивает их.

Марина понимает: дела ее плохи. Вообще-то она ожидала этого. Трогает угаданное сочувствие — совсем посторонний человек!

Ей разрешают встать. Он обращается к ней, оставаясь по-прежнему за пультом:

— Я прошу вас приехать завтра. Мы попробуем сделать снимки еще в одной плоскости.

Она намеренно близко подходит к нему.

— Юрий Николаевич (слышала — так его называли), я очень признательна вам за...— и, закусив губу, почти шепотом: — за сочувствие.

И замечает: дрогнуло что-то в его глазах. Марина протягивает руку практиканту:

— Спасибо!

Тот улыбается, кивает головой. И с восточной учтивостью:

— Поправляйтесь!

Константин Петрович тоже пожимает ей руку. Коротко и серьезно:

— До свидания.

Торопясь погруженною в темноту улицей — фонари еще не горят,— она сама себе удивляется. Горевать бы надо сейчас. А у нее на душе тепло.

Летит не домой — к матери. Летит как на крыльях. И, лишь нетерпеливо нажимая кнопку звонка, вспоминает: с утра ничего не ела. Ей чудится запах жареной картошки.

— Мам, есть хочу, умираю. Картошечки бы пожарила, а?

4

Слякотный день поздней осени. Рядовая районная поликлиника. Раздеваются, одеваются люди. Регистратура. Аптечный киоск...

...Необычно заполненный людьми коридор второго этажа. Сдержанный гул голосов. В руках у каждого характерный конверт с рентгеновскими снимками. Сегодня здесь консультирует Профессор.

Кого только нет среди ожидающих! Седой старик с орденскими планками на пиджаке. Серьезная девчушка в коричневом школьном платьице прижалась к женщине с усталым (не по годам) лицом. У нее в руках конверт со снимками небольшого размера. Детские!

У Марины сжимается сердце: «Маленькая мышка, и у тебя уже что-то не так?»

Сюда, на консультацию к Профессору, не приходят с простым. К нему обращаются, когда другие признали свое бессилие.

Сознает ли Профессор, что для каждого ожидающего встреча с ним — решение судьбы?..

В коридоре становится шумно: кто-то, не соблюдая очередности, рвется к двери. Дверь энергично распахивается — вероятно, в ответ на шум. И тотчас же устанавливается тишина. На пороге Профессор. Молча обводит взглядом собравшихся.

Марина успевает отметить моложавость облика. Улавливает, как вспышку гнева в его глазах сменяют искорки интереса к ним, собравшимся. Чуть помедлив, он молча закрывает дверь за собой.

...Томительно долго тянется время. Наконец она, Марина, у него в кабинете. Протягивает ему свои снимки. И срывается, измученная ожиданием, напряжением:

— Вы, конечно, скажете, как и все: операцию делать поздно?!

Он внимательно смотрит на нее.

— Попробуем разобраться.

...Конечно, он понимает, чтó именно заставляет других врачей говорить: «Поздно!» Случай крайне запущенный.

«Операция высокой степени риска,— думает Профессор.— Но... Молодая женщина. Мать...»

И, отложив снимки, говорит деловито:

— Ложитесь к нам в клинику. Сегодня же, если есть место. Времени больше терять не следует. Будем вас оперировать...

...За окном первый ненадежный снег. Марина угадывает, как он ложится на асфальт... Тает... Превращается в слякоть.

Время как будто остановилось для нее — ей так покойно сейчас в этом кабинете. Сгущаются ранние сумерки. Ярко горит настольная лампа.

Профессор с наслаждением затягивается сигаретой.

— Самая сейчас пора подходящая, на улицу не тянет. Выйдете после операции, а там зима. Снег. Лыжи.

«Разве это все еще будет в ее жизни: зима, сверкающий снег, лыжи?!.»

Вопросы, вопросы; не у нее — к ней.

— Возраст? Замужем? Сколько лет ребенку?

Марина счастливо улыбается:

— Два годика.

«Но почему он спрашивает об этом? Может быть... неудачный исход? Он об этом думает?!» Обжигает жалость. Не к себе, к сыну.

Словно угадав ее мысли, Профессор говорит со спокойной уверенностью:

— Умереть мы вам не дадим.

Он не любил тех больных, которые, теряя власть над собой, не умели взять себя в руки. Тех, в чьих глазах угадывалось отчаяние. В глазах этой женщины вера. И он решительно вторгается в ее жизнь. Стремится положить на чаши весов все, не только болезнь.

— Чем занимаетесь? Аспирантура? Возьмете отпуск...

— ...Мама еще не старая? Выходит! Это, учтите, важный фактор.

Он единственный из всех, у кого перебывала Марина, думает не только лишь о болезни — о ней самой. Хочет знать обстоятельства ее жизни...

...Странное существо — человек! Еще час назад, сидя перед дверью его кабинета, она не решалась надеяться. А теперь, когда надежда стала реальной...

Она думает, не может не думать о том, что с каждым годом, который ей п о с ч а с т л и в и т с я п р о ж и т ь, сын ее будет становиться на год старше. А если все оборвется сразу?

Как в считанные минуты приема решиться, отчетливо представляя себе степень риска, степень опасности?!

Она не решилась.

5

...К Профессору, в его клинику, Марину привезли через год. Ей больно было ходить, говорить, дышать.

Естественно, в этот тяжкий день мать Марины бросилась прежде всего к Трахнину. Поликлиника рядом. Но сама Марина уже не смогла бы дойти туда.

В поликлинике твердо знали: Марина — больная Трахнина. И все вокруг знали это. И все считали: «Трахнин — это надежно».

Трахнин выслушал мать Марины участливо и спокойно. Однако против всех ожиданий не счел нужным смотреть больную. Сказал твердо и вразумительно, что в нынешнем состоянии Марины драматизм ситуации не исключен. И следует привыкать к этому. И относиться к этому с надлежащим спокойствием.

Они словно бы говорили на разных языках: мать Марины, охваченная предчувствием надвигающейся катастрофы, и Трахнин, опытный врач, опытный диагност, сознающий действительную опасность положения. Видимо, болезнь дала резкий всплеск — этого можно было ожидать. Выход? Все тот же. Хирургическое вмешательство, на которое он, Трахнин, не пойдет. Не пойдет, потому что шансы благополучного исхода невелики. А риск велик. И природа этого риска такова, что на карту будет поставлен личный его престиж. И в какой-то мере престиж его клиники...

...Они говорили как бы на разных языках: мать больной, стремящаяся уберечь, спасти. И лечащий врач, обдумывающий, как поступить, чтобы эта тяжелая история, которая может дать широкие круги по воде, обошла его стороной.

Как же им было понять друг друга?

И поторопившись прекратить этот бесплодный разговор, Трахнин, выписывая рецепт на обезболивающее, сказал с вдруг обнаружившей себя жесткостью, надежно прикрываемой в обиходе участливой приветливостью:

— Если будет уж действительно плохо,— интонацией он подчеркнул это «будет» и «действительно»,— вам следует без промедления вызвать «Скорую»...

В этом был свой расчет. По «Скорой» везут обычно туда, где есть в наличии свободное место. В его клинике свободных мест, как правило, не бывает. Условия в его клинике таковы, что больные стремятся попасть туда. Ждут очереди. Попадают по предварительной договоренности.

Если же больную все-таки привезут к нему, он, разумеется, сделает все возможное. Однако он не всесилен. А уж если везут по «Скорой»!.. Спрос иной!

...В приемном покое дежурный врач, принимая документы Марины, сказал кому-то:

— Экстренный случай. Профессор предупрежден. Он будет сам смотреть больную.

«Вспомнит? Не вспомнит?» — думает Марина. А доктор все спрашивает, спрашивает, записывает... Все это кажется ей таким ненужным сейчас. Какое это имеет значение: «Когда началось? Что было потом?..» Профессор будет смотреть ее сам — вот главное. Она начинает торопить доктора.

— Профессор ждет. Я тогда расскажу все.

Но доктор резко обрывает ее:

— Свободное место в палате, где лечащий врач я. Постарайтесь запомнить, доктор Холодов.— И подчеркивает: — Вы будете лежать в моей палате до операции и вернетесь туда после операции.

Она запомнила: доктор Холодов. Перестала сопротивляться. И лишь с удивлением наблюдала его странную манеру приема. Ей казалось, что он в оппозиции к ней, больной. Ей казалось даже, она улавливает его раздраженность. Правда, это была не та нетерпеливая раздраженность, когда врач боится длинного рассказа больного о себе,— так с ней уже бывало. Нет. Доктор Холодов сам расспрашивает долго, подробно — в ту минуту ей кажется: нудно. Наконец она начинает понимать: от нее, больной, он добивается ответов ясных и четких. Столь же ясных и четких, как вопросы, которые он выговаривает, старательно подчеркивая каждое слово.

Позже Марина поймет, что ответственность доктора Холодова по отношению к больному — естественное, ощутимое проявление одной из особенностей этой клиники.

Она поймет, что в этом старинном здании, где поблескивают кафелем и начищенной до

желтизны медью старинные печи, где огромные — по 12—14 человек — палаты, организована клиника современнейшая, кроме всего иного (а может, и прежде всего иного), своим отношением к больному.

...Марину Профессор вспомнил.

Невероятно! Столько больных перебывало у него за год. Но помнил. И уникальность случая. И необходимость безотлагательной еще тогда операции.

Теперь оперировать придется по жизненным показаниям. Однако больной — ни слова упрека. Озабочен. Суров. Жесткие складки в углах неулыбчивого рта.

...Он бывал вспыльчив. Резок. Порою груб. Дома так же, как в клинике. Но болезнь никогда не вызывала в нем раздражения.

Гнева против Марины в нем не было. Только горечь: до чего себя довела! Обошла, наверное, многих врачей. Им поверила. Не ему. Значит, не сумел убедить. Нелегко человеку решиться на операцию. Хирург должен завоевать больного, заставить его поверить себе. Видимо, ему не удалось это, когда она обратилась к нему впервые. Теперь эта женщина на грани жизни и смерти. Грань — операция.

Профессор сознает это. И привычно берет на себя ответственность за чужую жизнь. Это та его повседневность, без которой он не мог бы существовать.

— Сергей Александрович! — обращается к нему Марина.— Последнее время у меня постоянно болело и сердце. Как бы оно не подвело нас.

Не о том спрашивает. Не осмеливается спросить: не поздно ли? Глаза Профессора чуть теплеют в ответ на это объединяющее их «нас». Невысказанный вопрос угадан им. Он не говорит ей: «Все будет хорошо!» Ни рентген, ни новейшие методы обследований не могут предугадать, что ждет хирурга во время операции.

Да Марина и не ожидает этого от него. И не загадывает. Ей лишь хочется, чтобы он ощутил ее решимость: бороться. Вместе с ним бороться за свою жизнь.

6

Марину быстро катят на каталке в операционную по коридорам. Поворот... Еще поворот... Внезапно пахнуло холодом. Видимо, близко входная дверь. Раздевалка... Там мама. Мама! Они с ней похожи. В минуту волнения обе разгораются, хорошеют. Ей, Марине, потереться бы сейчас щекою о мамино плечо. Услышать бы мамин голос: «Все будет хорошо, доченька!» Только глаза бы мама прятала от нее — такая в них боль. И темнота вокруг глаз...

Марина лежит на столе в операционной. Вокруг нее суетятся люди в белом. А у нее одна мысль: увидит ли Профессора перед операцией? Ей это необходимо сейчас — увидеть!

А над ней совсем незнакомое лицо. Высокий врач.

— Я здесь!

Как будто главный здесь он. Как будто теперь она может быть спокойна. Как будто так надо, чтобы перед наркозом она увидала последним его лицо.

Врывается доктор Холодов. Обращается непосредственно к Марине:

— Профессор смотрит сейчас ваши снимки. Он просит кое-что уточнить...

Значит, он с ней, хоть нет его рядом, он здесь!

Конечно, Профессор предвидел, что ждет его во время операции. Шел на это. Но то, что открылось ему... Что сделал бы Трахнин на его месте? (Да, возможно, не только Трахнин.) Скорее всего отступился бы. Но не он!

Яростное, неодолимое стремление сохранить жизнь. Постоянные схватки, нескончаемое единоборство с болезнью — его стихия.

Продолжение следует.

Николай ФЛЁРОВ

Читатели уже давно полюбили самобытное творчество Н. Г. Флёрова — автора многих популярных песен, таких, как «Бушлат», «Трудовая молодежная», «Синеглазая морячка», «Вьется речка Серебрянка», и других. Николай Флёров — поэт разносторонний, кроме песен, он создал много ярких поэм, проникновенных стихов. Известны такие его произведения, как «Баллада о матросской матери», сборники стихов «Огни и воды», «Поговорим с тобой наедине», «Четыре ветра», «Разные широты» и другие. Флёровские строки о долге и дружбе, о любви и подвиге правдивы, жизненны и страстны. Поэзия Николая Григорьевича Флёрова, которому исполняется в эти дни 70 лет,— это дума о нашей Родине, о ее величии и красоте, дума о славе флотской, о дружбе и службе морской. Поэзия ветерана литературы — в пути. Коммунист Флёров, как и прежде,— на передовой. Он ведет с нами нужный и задушевный поэтический разговор.

Александр ТЕЛИЧЕНКО

Севастополь.

Всего сильней

ЧТО-ТО ЕСТЬ В ЧЕЛОВЕКЕ ОТ МИЛЫХ БЕРЕЗ

Только глянешь на розовый ясный
восход —
И воскликнешь: «Как жизнь хороша!»
И запросится будто бы сердце в полет,
Заволнуется сразу душа.
Что-то есть в человеке от милых берез:
Те уронят листву к ноябрю
И стоят в ожиданье живительных гроз,
Ждут свою дорогую зарю.
И когда им такая блеснет впереди —
Во все небо, не видно конца,—
То поверю я: будто бы в белой груди
У деревьев забьются сердца.
Разольются все соки их кровью живой,
И за нитью зеленая нить,
Та, березок душа, станет первой листвой
И со мною начнет говорить.
Мы друг друга поймем,
Мы друг другу сродни,
И я так потому говорю,
Что недаром все зимние ночи и дни
Вместе ждали мы эту зарю.

* * *

Я могу об этом бесконечно
Думать, говорить, писать, мечтать.
Для меня что было — будет вечно,
Как земли родной отцовской пядь.
Никаких не знаю расстояний.
Время?
Что ж, бессильно и оно:
Мы — в любви,
В таком из состояний,
Что законам не подчинено.
Потому и верю:
Вечно будем,
Возрождаясь в ком-то вновь и вновь...
Сколько ж нужно доказательств людям,
Что всего сильней
Одна любовь?!

ПРИМЕТНАЯ ОСЕНЬ

Молодые березки пожухли,
Ели все изумрудно чисты.
На осине, как будто бы угли,
Несгораемо тлеют листы.
Мы у леса прощенья попросим,
Отнесем эти листья домой,
Чтобы наша приметная осень
Оставалась у нас и зимой.

ВИНА

Бывает, человек не знает сам,
В чем виноват и есть ли прегрешенья.
Зачем же я к осенним небесам
Опять взываю, будто о прощенье?
Могу в одном признать свою вину,
Хотя скорее то ошибкой было,
Что полюбил я женщину одну,
Которая меня не полюбила.
А может, было не за что?.. Ну что ж,
Кому дано постигнуть эти тайны,
Когда они условны и случайны,
Когда ты их в себе не разберешь?
И, ничему уже не веря сам,
Я в этот час в лихой своей судьбине:
— Простите мне!— взываю к небесам,
Но что простить — не ведаю доныне.

ДРЕВНЯЯ КРАСА

Пройдя исхоженной тропою
Среди зазеленевших нив,
Мы перед древнею красою
Стояли, головы склонив.
То не безмолвные скрижали,
Не просто купол золотой —
Созданья эти поражали
Живой нетленной красотой.
Но как бы ни были велики
Пути творений вековых,
А все же видел я не лики,
А лица предков дорогих.
Наверно, тем и был он вечен,
Сияющий иконостас,
Что, мастером очеловечен,
Хранил веков правдивый сказ.
И предков нам предстала сила
В тот незабвенный миг, когда
На путь свершений и труда,
Казалось, нас благословила
Та неземная краса.

ВЕСНЕ ДОРОГУ!

В. КОВАЛЕВ
Фото И. ТУНКЕЛЯ
Специальные корреспонденты «Огонька»

Приметы весны? В Душанбе они свои, особенные.

Например, саженцы. Кажется, весь город решил одновременно записаться в садоводы-любители. Бережно укутанные в мешковину, маленькие яблони и персики, груши и гранаты путешествуют вместе с пассажирами троллейбусов и автобусов до места постоянного жительства. Утверждают, что каждый человек в республике один раз в год обязательно сажает деревцо. И это тоже пусть маленький, но след в жизни. Веселый и разговорчивый водитель такси из аэропорта подсчитал: только его семья может гордиться тысячей выращенных деревьев! Право, было чему и позавидовать.

...Прощай, короткая южная зима! Уже давно отцвел миндаль, сошел снег, и разбуженное поле готово принять зерна. По древнему и красивому обычаю первые семена хлопка в землю бросают старики, а уже за ними идет техника. Земля здешняя обильна. Когда к ней прикасается рука человека-хозяина, становится она щедрой.

И не беда, что нынешний праздник весны — навруз («новый день») — прошел под аккомпанемент дождевых капель. Когда же, как не весной, время первых дождей и первых гроз. «Навруз без дождя — лето без урожая»,— говорил мне на Зеленом базаре почтенный аксакал и дарил увесистую гроздь прошлогоднего винограда, сочного и ароматного, словно только вчера сорванного с лозы.

Весна, цветы и любовь неразделимы...

Вот-вот горные склоны загорятся кострами цветущих маков и тюльпанов, а пока только экзотический лириодендрон в городском Ботаническом саду притягивает к себе первых проснувшихся пчел. Удивительное сходство у алых цветов этого дерева, названного в народе тюльпанным, с тюльпанами настоящими! Уже готовится разлить свой аромат по саду сирень, и до самой осени теперь не будет пустовать скамейка под раскидистыми вязами. Здесь традиционное место встреч влюбленных...

— Весна в Душанбе — это тысяча свадеб. Так и напишите: тысяча молодых семей начала отсчитывать дни совместного шествования по жизни от нынешнего навруза,— просила директор городского Дома бракосочетаний Мамлакат Хайдарова. Она убеждена, что заключенные весной браки самые счастливые...

Обстоятельства нашего с Ташматом знакомства выглядели так: был вечер, и первые звезды уже появились на небе, в густой кроне чинары рядом с гостиницей начинали концерт птахи. Я заметил возле дерева мальчика с клеткой в руках. В клетке суетилась и не находила себе места птица. Эту ли клетку и эту ли птицу видел я днем в зоомагазине?

— Эту,— подтвердил Ташмат.— Я ее купил и сейчас буду выпускать на свободу. В одной книге было написано, что в клетках птицы долго не живут, а умирают чаще всего весной...

Он открыл дверцу, и через минуту певцы, невидимые в вечерней мгле с земли, бурно радовались пополнению своего хора.

— Деньги на покупку родители дали?

— Нет, на завтраках за полгода сэкономил...

Ташмат мечтает поскорее окончить школу, поступить в университет здесь, в Душанбе. А затем работать в знаменитой Тигровой балке, удивительном природном заповеднике Таджикистана... Я пожелал новому другу, чтобы сбылась его мечта.

В университете, где собирается учиться после школы Ташмат, мы заглянули к будущим биологам и филологам, физикам и химикам, геологам и юристам в самый разгар их предэкзаменационных хлопот.

— Девушки и юноши сорока национальностей обучаются у нас. Всего их на двенадцати факультетах ни много ни мало — двенадцать тысяч,— говорил секретарь комитета ВЛКСМ ТГУ имени В. И. Ленина Шавкат Ахмедов.

И если столица республики ждала солнца, то за Фахробадским перевалом, в Вахшской долине, от него днем уже прятались и ждали ночь с ее спасительной прохладой. Едва оранжевый шар садится за зеленые холмы, как выползают из расщелин сумерки, темным маревом заволакивают все вокруг. Неугомонные сверчки буравят воздух своей трескотней, сквозь которую нет-нет да и прорвется резкий голос невидимой во тьме птицы или зверя. И море, нет — океан звезд над головой.

Ночь застала нас на дальнем пастбище совхоза «Машал» в гостях у Элмирзы Гульмирзаева — лучшего совхозного чабана. До рассветных сполохов говорили о жизни, о детях, о работе, ели только что вынутые из тандыра лепешки и пили катык, по вкусу напоминающий свежайшую сметану. А вокруг толпилась отара — предмет заботы чабана Элмирзы всю его долгую жизнь. И ко времени, когда с неба исчезли все звезды, стало в стаде на десять маленьких барашков больше. Весной начинается массовый окот, и в эту пору спит чабан по часу-два в сутки, да и то днем. «Один бы ни за что не справился, дети помогают, им спасибо. Мне, старику, уже и на пенсию пора...» — с какой-то грустинкой в голосе говорил чабан и прикрывал пестрым халатом сонного Тилава, старшего из восьми своих детей. Парень что надо, днем и ночью рядом с отцом. Готов продолжить семейную традицию.

Бурные весенние потоки давно сошли с гор. Зачерпни воду из арыка — чистая как слеза. «Как хотелось, чтобы и человек по весне оставлял на год грядущий лишь душу светлую да помыслы чистые. Об этом мы и поем»,— рассказывали мне и переводили слова песен участники известного не только в республике, далеко за ее пределами фольклорного ансамбля Довлятовых из города Курган-Тюбе. Пятнадцать человек во главе с мамой Богигуль играют, танцуют и поют вместе! Семейный ансамбль — частый гость тружеников Вахшской долины, два раза он приезжал в Москву...

Свое утро года встречает Таджикистан. Гордость республики — ее труженики пройдут в первомайских колоннах. Те, кто честь рабочую понимает так, как надо ее понимать. Пройдут строители Нурекской ГЭС по улицам своего молодого, цветущего города. Они создали рукотворное море за трехсотметровой плотиной вахшского энергогиганта и ныне вместе с товарищами из многих республик Союза прокладывают путь его воде через туннель в Дангаринскую степь — долину солнца. Пройдут майскими колоннами те, кто производит лучший в стране алюминий на заводе в Турсунзаде и выпускает столь нужную стране продукцию на Яванском электрохимзаводе. И строители двух новых гидростанций на Вахше — Рогунской и Байпазинской...

Утро года — весна.
Новый день — весна.
Ей — дорогу!

Таджикская ССР.

Дождик свадьбе не помеха * Аксакалы за чашкой зеленого чая. НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ: Студентки Таджикского государственного университета имени В. И. Ленина Дилафруз Махмудова и Валентина Долгопятова * Цветет тюльпанное дерево * Навруз — праздник встречи весны. Танцуют участницы ансамбля «Зебо» — «Красота».

Кутби КИРОМ

ТЮБЕТЕЙКА

Звезды падают с неба,
купаясь в траве,
их в подол собирает
луна-чародейка.
О таджичка!
Не зря на моей голове,
словно горное поле,
цветет тюбетейка.

Подчиняется пальцам твоим красота,
волшебство проливное узора и цвета.
По краям тюбетейки —
четыре цветка,
как четыре извечные стороны света.

Их узор завещали мне
предки мои,
как святое звучание
речи свободной,
как журчание вахшской
холодной струи,
как свечение горной звезды путеводной.
Самый первый цветок говорит:
«Ты таджик.
Небо горной страны твоей
ясно и чисто.
Ты солдат ее,
сокол,
ты будешь велик».
Самый первый цветок мне поет
об Отчизне.

Голос памяти —
в песне второго цветка,
недопетые песни погибших за счастье.
Пусть в стихе моем
будет правдивой строка
о борцах,
над которыми время не властно.

Остальные цветы —
это гордость и честь,
гордость нашей землей,
что цветет на свободе.
Все, что доброго есть,
все, что светлого есть,
воплотилось в моем
полноправном народе.

Звезды падают с неба,
купаясь в траве,
их в подол собирает
луна-чародейка.
О таджичка!
Не зря на моей голове,
как земля моих предков,
цветет тюбетейка.

Перевел с таджикского
Владимир КОСТРОВ.

Ищи силы в себе...

Н. АЛЕКСЕЕВА

Длинные тонкие пальцы едва касаются гитарных струн. Глаза закрыты, лицо устремлено вверх. Голос звучит то нежно и мягко, то могуче, щедро, с неудержимой силой. Я не знаю латышского языка (мне известен лишь общий смысл стихов), но, кажется, понимаю каждое слово — столь красноречиво, эмоционально исполнение, которому присущи и простота и богатство интонаций...

Не услышь я песен в исполнении Ивара Калныня, наверное, не смогла бы в достаточной мере понять этого актера, его характер, его творческую устремленность. Во всяком случае, этого нельзя сделать, если пытаться судить о нем, например, только по ролям в фильмах «Театр», «Сильва» или «Ранняя ржавчина», «Инспектор Гул»... Роль Тома Феннела в «Театре» стала первой в ряду, как называет их сам Ивар, «фрачных» его героев. Именно благодаря Тому актер сразу приобрел в глазах некоторых режиссеров и зрителей амплуа эдакого обаятельного обольстителя, элегантного, отнюдь не всегда постоянного в своих чувствах, но весьма и весьма романтичного. Играя Феннела, актер действительно подчеркивал прежде всего романтическую сторону юношеской натуры: изначальную истинность, искренность его любви к знаменитой актрисе, блестяще сыгранной Вией Артмане.

Романтика. Она устраивала Калныня в его героях и до сих пор привлекает в предлагаемых ему ролях. Однако приобретенное им помимо воли амплуа никак не могло устроить. Оно сильно ограничивало, я бы сказала, принижало возможности актера, по своей природе разностороннего, темпераментного, пластичного и очень современного. Да, он остро чувствует современность в любом драматургическом материале, и в классическом тоже, несмотря на временну́ю отдаленность. Это доказали работы Ивара Калныня в Художественном театре имени Яна Райниса, куда он пришел восемь лет назад.

Так, совершенно непохожие Треплев в «Чайке» и Волохов в «Обрыве» в исполнении Калныня оказались близки в главном — в поиске истинного смысла жизни. Каждый из них многое придумал для себя в этой жизни, то есть создал искусственный мир, в котором пытается существовать, стараясь не замечать действительности. И каждый приходит к трагическому, пока еще безрезультативному прозрению — осмыслению нравственной невозможности подобного существования. Они не способны на активное, созидательное вторжение в саму жизнь. Другой же герой Ивара — Миндаугас (в одноименной пьесе Ю. Марцинкявичюса), наоборот, активен и деятелен. Великий полководец объединил, создал Литовское княжество. Но эти преобразования даются дорогой ценой — насилия, жестокости, вероломства и хитрости. Возомнив себя величайшим из великих, Миндаугас решил, что цель оправдывает все средства. Действуя во благо государства, он забыл, для кого его строил,— забыл о человеке, тем самым потеряв реальную почву под ногами, а значит, подписав себе приговор. Лишь перед смертью вырываются у князя — Калныня слова позднего раскаяния. Гибель, физическая или нравственная, по мнению Ивара Калныня, неизбежно ждет человека, пытающегося полностью замкнуться на себе, уйти в себя...

— Но не поймите меня так,— предупреждает Ивар,— что человек не должен углубленно в себе копаться, отыскивая скрытые резервы своей личности. Наша жизнь зависит от каждого из нас. И чем больше человек будет искать в самом себе и находить, тем больше он будет способен дать другим! Кстати, таким я вижу в идеале и современного героя. К сожалению, пока еще не встречался с таковым в театре, где сыграл около тридцати ролей.

Калныню случалось быть на сцене преступником (в спектакле «Последний барьер» ему так удалась эта роль, что актеру в дальнейшем угрожало опять же соответствующее амплуа); его лирическим героям доводилось петь в мюзиклах, а в одной из постановок он выступал только как танцор... Он сталкивался с неожиданными, противоречивыми характерами, каждый раз кропотливо исследуя малейшие движения души своих персонажей, даже пытаясь отыскать им предшественников у древних греков или, например, у Шекспира. Может быть, не во всех случаях обнаруженная взаимосвязь была объективна, но она все равно помогала ему достичь той или иной степени обобщения в конкретном образе, без чего не бывает Искусства.

И однако... Ивар не испытывает полного удовлетворения от сделанного, чувствуя, что не использовал себя «на полную катушку»: мало играл русской классики, хотелось бы еще; хотелось бы сыграть хоть в одном спектакле по произведению Яна Райниса... Но особый разговор — о ролях современников.

Может быть, именно нехватка в его творчестве полнокровных современных героев, потребность выразить свое отношение к сегодняшней жизни, и притом найти свой способ выражения, и заставили Ивара обратиться к композитору Артуру Маскату с просьбой написать музыку на цикл стихов лауреата Государственной премии СССР Ояра Вациетиса. В конце прошлого года в Латвии состоялся республиканский конкурс актеров, посвященный 60-летию образования СССР, и Калнынь, который участвовал в нем с несколькими из этих новых песен, был удостоен первой премии. Сейчас Ивар заканчивает работу над целой концертной программой, в ней около двадцати произведений. Тут философские притчи — раздумья о нашем времени, песни о любви; попытка заглянуть во внутренний мир современника, понять его заботы; напоминание о романтике, духовности людских взаимоотношений, чего порой недостает нам, сегодняшним... Этим своеобразным моноспектаклем Ивар пытается как бы компенсировать также то разочарование, которое не раз постигало его и в кино.

...Мы встретились, когда он был в довольно-таки лучезарном настроении. Снявшись более чем в двадцати фильмах (в их числе, кроме перечисленных выше, «Не стреляйте в белых лебедей», «Личной безопасности не гарантирую», «Маленькие трагедии» и другие), актер, по его словам, наконец получил роль, которая как-то особенно взволновала. Это артист цирка, молодой человек по имени Данила в фильме «Двое под одним зонтом», съемки которого заканчиваются на Одесской студии режиссером Г. Юнгвальд-Хилькевичем.

— Герой этого фильма близок мне, очевидно, потому, что сейчас я нахожусь в том же состоянии, что и он,— рассказывает Ивар.— Я тоже на распутье, тоже испытываю мучительное, доходящее просто до физической боли состояние творческого голода. Размышляю о том, как реализовать себя без остатка... Иначе для чего живу?

Внешне благополучного, безмятежного Дана настигает буря душевных потрясений. Ощущая в себе потенциальные возможности, он не знает, как их раскрыть. А надо поверить в себя, найти силы, чтобы преодолеть инерцию, пробудиться от долгого сна...

Режиссер картины, с самого начала решивший, что главную роль может сыграть только Ивар Калнынь, с восхищением рассказывает о его работоспособности. Она приближается к наивысшему проявлению трудолюбия, свойственному лишь артистам цирка. Ивару удалось вполне освоить здесь и жонглерскую профессию. Действительно, для этого пришлось сильно потрудиться.

Но труд, даже самый нелегкий, никогда не пугал его. Ивар рос в рабочей многодетной семье и в четырнадцать лет пошел на работу слесарем в трамвайное депо, где работал его отец. Параллельно заканчивал вечернюю школу. Потом стал механиком вычислительных машин в университете. В один прекрасный день узнал о приеме в народную студию актера при Рижской киностудии. Сдал экзамены. Вроде бы шутя, не совсем уверенный, правильно ли делает. Думается, что занятия музыкой в детском ансамбле, к которым приучила его мама, в немалой степени способствовали тому, что ее средний сын в конце концов избрал творческий путь.

Первая роль в кино была отрицательной — полицай в «Илге-Иволге» режиссера Яниса Стрейча. Перед съемкой очередного эпизода с его участием дебютант убегал в лес и кричал там что-то диким голосом, доводя себя до исступления. «Входил» в образ. Однажды страшно напугал оператора, решившего, что в своем усердии Ивар на самом деле убьет партнера: столь неистово и грозно новоявленный киноактер кинулся с топором, как того требовал сценарий, на главного героя. Почти одновременно Ивар снимался в фильме «Право на прыжок» на «Мосфильме», где играл легкоатлета. Два месяца Калнынь отрабатывал стартовый разбег, а к концу съемки брал рекордную для себя планку — метр семьдесят пять! До сих пор гордится личным достижением.

Подобный же азарт, безоглядная увлеченность делом владели Иваром Калнынем и в годы обучения на театральном факультете при Рижской консерватории. Их курс — четырнадцать человек — вел народный артист Латвийской ССР, главный режиссер театра имени Райниса Арнольд Линынь. Он был строг со студентами — какие уж тут съемки в кино! — но зато весь курс, закончивший обучение на полгода раньше положенного, был принят в театр, а курсовые работы начинающих актеров вошли в его репертуар.

Калнынь вспоминает: «Мы были все такие худые, ведь занимались день и ночь. И такие наивные, восторженные. В одной из дипломных работ, мюзикле композитора Улдиса Стабулниекса, я пел одиннадцать песен — о звездах, любви, расставании. Мы так переживали за своих героев, что сами — в отличие от зрителей! — плакали на сцене. Нам и в самом деле было жалко, что звезды падают, а любовь уходит...» Несколько лет ребята учились и работали в старом здании театра, которое для Ивара было настоящим храмом, а сцена — святыней. И каждая доска на ней, казалось Ивару, впитала в себя пот и слезы выдающихся предшественников. Когда труппа получила новое здание, Калнынь унес с собой кусок доски со старой сцены. Хранит дома.

Так уж получилось, что традиции театра, требующие от актеров простоты, ясности и (как это называет А. Линынь) «документализма» поведения на сцене, в сочетании со страстностью, полной самоотдачей не позволяли молодым актерам расслабляться, работать вполсилы. Да и как это возможно рядом с такими мастерами, как, скажем, Лилита Берзинь или Вия Артмане. «У Артмане,— говорит Ивар,— я учился даже больше, чем у мужчин: собранности, самоотверженности, неумению сидеть сложа руки». Калнынь успешно перенял у своих старших коллег замечательные качества, необходимые Актеру. Он не может без работы — на сцене ли, где играет все роли без замены, на съемочной площадке или в телевизионной студии. В те редкие часы, когда бывает дома, жена и две дочери становятся свидетелями его музыкальных занятий (между прочим, в одной из комедий ему приходилось играть на гитаре, губной гармошке и флейте). В свое время Ивар собрал немало народных песен, их тоже нельзя забывать...

В этом году Ивару Калныню исполнится тридцать пять лет. Повзрослел актер, повзрослели и его герои. Вряд ли теперь их любовные переживания смогут исторгнуть из Ивара слезы сочувствия, как это было когда-то в дипломном мюзикле. Но знаю твердо, что́ осталось в Иваре Калныне неизменным: восторженное, трепетное отношение к своей профессии...

◀ **Ивар Калнынь, артист Латвийского Художественного театра имени Райниса.**

Фото И. ГАВРИЛОВА

ПОМОЩНИК ВРАЧА • ПРОТИВ РЫЖЕГО ЧУДОВИЩА • НОВЫЙ ЛИК СВЕТИЛА • БУРЕНКИ БУДУТ ДОВОЛЬНЫ

Сколько времени надо, чтобы узнать, повысилась ли у вас температура? Каждый ответит: десять минут. А новый цифровой электронный термометр определяет температуру в любой точке человеческого тела за секунды. Создали его в Государственном специальном конструкторском бюро теплофизического приборостроения в Ленинграде. Более гигиеничный по сравнению с обычными ртутными градусниками, новый прибор поможет не только сэкономить драгоценное время врача, но и ликвидировать очереди в доврачебном кабинете. Обнаружив температурные аномалии на различных участках тела, возникающие в результате каких-либо патологий, врач быстрее и правильнее сможет поставить диагноз.

На снимке: инженер Т. Г. Марфенкова с новым прибором.

Телефото Н. Беркетова (ТАСС)

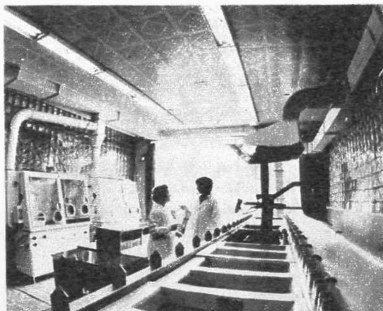
Потери металла от коррозии могут соревноваться с приростом добываемого в мире металла. Рыжее чудовище, если с ним не бороться, проедает днища корпусов кораблей, сжирает километрами трубопроводы, превращает в прах стальные конструкции. Тысячи научных коллективов во всем мире ищут эффективные средства борьбы с коррозией.

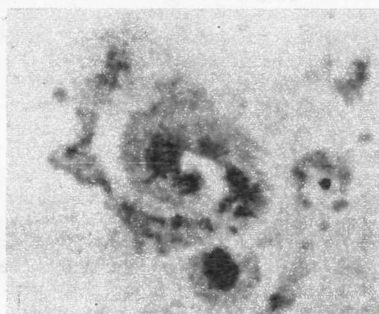
В проблемной научно-исследовательской лаборатории порошковой металлургии Пермского политехнического института ученые разработали новую технологию нанесения на металлические детали защитных покрытий. Теперь деталям не страшны агрессивные среды.

Высокую оценку специалистов получили исследования по созданию таких защитных покрытий для трубопроводов паровых котлов электростанций. Над новой технологией вместе с пермскими учеными работали сотрудники научно-производственного объединения «Тулачермет».

На снимке: в лаборатории защитных покрытий.

Фото Е. Загуляева (ТАСС)

Пятна на Солнце открыл Галилей, но упоминались они и в более древних письменных источниках. А недавно американские астрономы обсерватории Китт-Пик впервые за историю изучения дневного светила наблюдали на нем пятно в форме спирали. Необычна была не только форма, но и величина спирали — 85 тысяч километров в поперечнике. Через два дня после обнаружения она распалась на ряд мелких, ничем не примечательных пятен.

Астрономы пока не могут объяснить, как возникло это пятно на Солнце.

На снимке: спираль на Солнце.

Успехом завершился многолетний труд селекционеров Северо-Западного научно-исследовательского института молочного и лугопастбищного хозяйства. Кандидаты сельскохозяйственных наук Н. М. и Ф. Я. Федотовы методом гибридизации вывели уже новый сорт кормового гороха «Фен».

Созданный в результате многолетнего труда, новый сорт быстро достигает укосной спелости и содержит много белка. «Фен» проходит испытания в Нечерноземной зоне РСФСР, в Белоруссии и республиках Прибалтики.

На снимке: селекционеры Федотовы отбирают элитные семена гороха «Фен».

Фото С. Метелицы (ТАСС)

славные имена

В этом номере «Огонек» открывает на своих страницах новую рубрику — «Славные имена». В ней будут публиковаться жизнеописания людей, чья деятельность составила гордость нашей многонациональной страны. Первый материал новой рубрики — биографическое повествование о замечательном русском поэте Алексее Кольцове, написанное известным советским литературоведом Н. Н. Скатовым.

Николай СКАТОВ

Есть в Воронеже остатки старого кладбища. Самого-то кладбища, конечно, давно нет — это уже почти центр города. Но несколько могил мемориально выделено, обнесено стеной и обихожено.

Могилы Никитиных. На памятнике стихи:

Вырыта заступом яма глубокая.
Жизнь невеселая, жизнь одинокая,
Жизнь бесприютная, жизнь терпеливая,
Жизнь, как осенняя ночь, молчаливая,—
Горько она, моя бедная, шла
И, как степной огонек, замерла...

Сильные, выстраданные стихи большого поэта.

Могилы Кольцовых. И здесь на одной из могил стихи:

Под крестом — моя могила,
На кресте — моя любовь.

Стихи поэта гениального.

* * *

«Сила гениального таланта,— писал о Кольцове Белинский,— основана на живом, неразрывном единстве человека с поэтом. Тут замечательность таланта происходит от замечательности человека, как личности...»

«Гениальный талант»! Не забудем, что Белинский на определения такого рода был скуп. По сути, до Кольцова он говорил о гениальности только трех русских художников, а именно Пушкина, Гоголя и Лермонтова. Не забудем также, что Кольцова он знал очень близко и что, наконец, великий критик говорил о гениальности Кольцова несколько лет спустя после смерти поэта и ни о какой эмоциональной скоропеслости приговора речи не было. Наоборот, к этому воззвало все расставляющее по местам время. Более того, на такую оценку не поскупился не один Белинский.

В свое время молодой критик Валериан Майков, почти современник Кольцова, первым у нас попытался определить масштаб кольцовской поэзии в перспективе и провозгласил Кольцова поэтом будущего: «Он был более поэтом возможного и будущего, чем поэтом действительного и настоящего». Еще через несколько лет в одной из своих поэм Некрасов назовет песни Кольцова «вещими».

ДЕТСТВО, ОТРОЧЕСТВО, ЮНОСТЬ

«Октября 3 рожден у купца Василия Петрова сына Кольцова и жены его Параскевы Ивановой сын Алексей. Воспринимали при крещении купец Николай Иванов Галкин и купецкая жена Евдокия Васильева Чеботарева». Такая запись появилась в октябре 1809 года в метрической книге Входо-Иерусалимской (она же Ильинская) церкви города Воронежа.

Чеботаревы, Галкины, Василий, Николай, Евдокия. Простые фамилии. И вот на этом обычном, вроде бы сером фоне вспыхивает для нас теперь уже постоянно горящее — Алексей Кольцов. И все с ним связанное теперь приобретает значительность, во всем невольно хочется видеть таинственные знаки судьбы: в родителях ли, в друзьях ли, в учителях ли, в первых ли чтениях.

Жизнь поэта

Алексей Кольцов.

Почему Алексей Кольцов? Почему в этой стране и в это время? В этой местности и в этой среде? И в этой семье? Нужно понять эту связь, эти «знаки» судьбы.

Тем более, что внешняя судьба — судьба обычная, купеческого сына. Отец «достаточен», иногда даже и довольно богат. «Трижды,— вспомнит потом сын,— наживалось до семидесяти тысяч, спускалось и снова наживалось». Имущественное восхождение Василия Петровича обернулось и восхождением буквальным — из нижней части Воронежа в нагорную.

Василий Петрович стоял во главе семьи патриархальной и крепкой. Жена его, мать поэта, Прасковья Ивановна, в молодости была красива и хотя неграмотна, но умна и добра. Жили родители в большом ладу. Обслуживался дом крепостными людьми. Держались многочисленные приказчики. Весь распорядок подчинялся, по воспоминаниям многих, строгим и суровым правилам в старорусском купеческом стиле, и, конечно, «поперечэнья» хозяин не терпел. Когда в 1861 году мать поэта умерла, то, по одному из рассказов (В. Д. Кашкина), после нее осталось много дорогих вещей, золотых кокошников, шитых жемчугом, и т. п.: «Эти кокошники дают достаточное понятие о внешности родителей Кольцова». Таким образом, уже в середине прошлого века старорежимная патриархальность всего уклада в кольцовском доме выглядела как не совсем обычная. А когда сестру поэта Александру Васильевну в 70-х годах ознакомят со статьей Белинского о Кольцове, то некоторые его характеристики она решительно отведет. Прежде всего, видимо, такую: «Всем известно, какова вообще наша семейственная жизнь и какова она в особенности в среднем классе, где мужицкая грубость лишена добродушной простоты и соединена с мещанской спесью, ломаньем и кривляньем». Семья, скажет Александра Васильевна, была простая, без спеси и напыщенности, и главное — отец никогда не хотел лезть в баре.

Купечество Кольцовых было особое — не сидение в лавке со счетами, впрочем, и лавки не было. Это было купечество лихое, быстрое, с авантюрой и с риском. Сами торговые операции здесь велись разнообразные и с размахом. Но почти все они связаны со скотом.

Воронежская губерния вообще до поры до времени была скотопромышленная. До двухсот тысяч пудов сала в год поставлялось и внутрь страны и за границу. И приобретаются, пасутся, перегоняются стада: гурты и ватаги. Сотни и тысячи голов. Купец-прасол арендует земли, откармливает на них скупленный скот, бьет его на чужих и своих бойнях, продает и перепродает, вовлекается в попутные сделки, связывается с винным заводом (барда для скотины), входит в арендные операции — тонкие и запутанные при пестроте воронежского сельского народонаселения: крепостные крестьяне, душевые, государственные, однодворцы. Здесь вся жизнь купца-прасола часто проходит на колесах, еще чаще в седле. Он почти в постоянной «командировке»: на Украине, на Дону, в поволжских степях и далее — вплоть до Северного Кавказа. Своя-то губерния, конечно, уже объезжена не по разу вдоль и поперек.

Купец-прасол в степи. Но дома, как это и положено по традиции и по необходимости, многочисленные дети. И умирают, умирают: три, пять, десять, двенадцать. Последний маленьким умирает Владимир. Остаются дочери: Мария, Анна, Александра, Анисья. И сын, один-единственный сын Алексей. Надежда и наследник отца. Многие мемуаристы отметят потом его отцовский умный, проницательный, исподлобья взгляд. «Выдающийся ум — родовая черта Кольцовых»,— засвидетельствует позднее их современник и земляк биограф поэта Михаил Федорович де Пуле.

Один сын выжил. Обошли как-то смерть и болезни. А тоже рядом стояли. Человек мощного от рождения здоровья, Алексей Кольцов всю жизнь все-таки страдал ногами, жестоко в детстве простуженный. Вообще же талантливые люди этой русской земли уж очень к себе бывали беспощадны. Обойдет смерть, минуют болезни — сам на рожон полезет. Невольно всегда вспоминается другой воронежский купец — Никитин: лицо изможденное (по немногим портретам) и болезни постоянные (по многим воспоминаниям). А тоже богатырь был при начале редкостный. На спор сдвинул воз и надорвался. Вспоминается и некрасовский каменщик в поэме «Кому на Руси жить хорошо», что снес «ношу чертову». Поэту было с кого писать своих героев. Есть что-то символическое в этих ставших полуинвалидами богатырях — Никитине, Кольцове...

Алексей был наследником кольцовского дела, именно к делу готовил Василий Петрович единственного сына. А здесь требовалось хотя бы первоначальное образование. К мальчику был приглашен домашний учитель из местных семинаристов. Очевидно, он довольно хорошо приготовил своего питомца к занятиям в учебном заведении. Таковым стало воронежское уездное училище, открытое еще в год рождения Кольцова, в 1809 году.

В иных жизнеописаниях Кольцова можно прочитать сокрушенные слова о том, что он не окончил и двух классов уездного училища. Как будто таких классов было десять. Конечно, плохо, что он не окончил двух. Но нужно заметить, что таких классов и было всего два. Плюс приготовительный. Уже приготовленный семинаристом, Кольцов миновал этот приготовительный класс и сразу поступил в первый. Опять-таки иной раз можно прочитать, даже у Белинского, что Кольцов учился в приходском училище. Как будто это все едино: приходское, уездное... Между тем если в первом обучали только началам грамоты да псалтыри, то совсем иным было второе. Конечно, вероучение и здесь было поставлено на одно из первых мест, но уже основательно читали евангелистов. Конечно, и здесь изучали арифметику и российскую грамматику, но уже и начала латыни, немецкий, особо выделялось рисование. Учителя, в частности и учитель Кольцова В. Е. Емельянов, в основном выпускники Воронежского главного народного училища, были люди сведущие. А смотритель уездного училища П. В. Соколовский был просто очень образованным человеком, знатоком европейских языков (экзаменовал претендующих на должность учителя гимназии иностранцев), математиком, переводчиком ряда трудов по философии. И это уездное училище, конечно, более демократическое, чем гимназия, продолжало быть достаточно привилегированным. И в нем самое большое количество обучающихся были дворяне, например, в классе Кольцова — шестнадцать, купеческих же детей только шесть, а крестьянский сын — и всего один.

Кольцов поступил в училище летом 1820 года: занятия тогда начинались с первого августа. Первоначальное его обучение отмечено успехами. По принятой шкале оценок он удостоен высшей — «остр». Кроме того, аккуратен в посещениях и прилежен. Все меняется на втором году обучения. За четыре месяца девяносто три (сохранилась учебная ведомость) пропуска занятий. Удивительно еще, что при этом он, по учительской оценке, хотя уже не «остр», но все-таки «понятен».

Василий Петрович решил, что полученных сыном знаний достаточно для того, чтобы начать приобщаться к делам, что прежде всего именно здесь сын должен быть «остр» и «понятен». Во второй половине года мальчика забирают из училища, и он вовлекается в отцовские дела. С одиннадцати лет постоянно ездит по деревням, в лес, в степь. А Воронежская губерния была краем особым, неким географическим перекрестком: лесной север переходил в южную степь. Воронежцы тогда недаром чаще всего звали весь этот простор своих мест полем.

Сами дела, которые вел отец и к которым очень рано подключился сын, были очень разнообразны. Так, занимаясь землепашеством и засевая подчас довольно большие площади, выращивали и продавали хлеб. К тому же Кольцов-старший был большим любителем-садоводом и при доме своем в Воронеже развел обширный сад. Кольцовы хорошо понимали, что такое сельское хозяйство и как оно ведется. То, как выращивается хлеб, младший Кольцов узнал не со стороны, не наблюдателем, хотя, естественно, с сохой от зари до зари не ходил.

Вот как через много лет, уже в 1840 году, Кольцов выговаривает в письме Белинскому за ведение сельскохозяйственного отдела в «Отечественных записках»: «А хуже всего «Сельское хозяйство»: оно вовсе не по журналу, и особенно какого-то дурака напечатана статья о покраже хлеба и мере — гадость га-

достью. Да и все статьи не шибкие. Эти господа агрономы напитаны иностранными теориями и принятыми методами тридцатого года, которые во мнении начали упадать, кроме метод: сахарной, машинной и мануфактурной. На сельское русское хозяйство надо смотреть по-русски, а не по-немецки. Немецкие методы нам не годятся, и их орудия — не наши орудия».

Еще далеко впереди будет докучаевское почвоведение и еще дальше заботы Мальцева и опыты Бараева, а поэт Кольцов пишет тогда критику Белинскому: «Наш чернозем любит соху, а чтобы улучшить соху, надо улучшить руки людей, которые ею работают. Дело и в орудии, но дело и в умении управлять им. Можно и на одной струне играть хорошо, а глупец и на четырех уши дерет».

Хорошо знали Кольцовы и лесное дело, будучи, говоря современным языком, лесозаготовителями. Отец содержал в Воронеже большой дровяной склад, двор, как тогда называли. Постоянно занимался заготовкой леса и сын.

Кроме того, ведутся так называемые шибайные дела по продаже овчин, кожи, шерсти. Кольцов с десяти лет был в круговороте всей этой сельскохозяйственно-промышленно-торговой работы. «Батенька,— сообщает он Краевскому уже в 1836 году,— два месяца в Москве, продает быков. Дома я один, дел много: покупаю свиней, становлю на винный завод на барду; в роще рублю дрова, осенью пахал землю; на скорую руку езжу в селы, дома по делам хлопочу с зари до полночи».

В «селы» ездили постоянно, на скорую руку и не на скорую, подчас на много месяцев, и села эти были разными и на обширном пространстве: ближние и дальние уезды Воронежской губернии, лесные и степные, русские и украинские, Донская область, и дальше на юг — к предгорьям Кавказа, и в сторону, где степь «к морю Черному понадвинулась», и туда, где «пораскинулись» степи приволжские. И туда забирались воронежские прасолы. В очень-то дальние места даже с зимы, отгоняя затем весной к дому гурты — сотни голов рогатого скота и тысячные овечьи ватаги.

Белинский вспоминал, явно по рассказу Кольцова, как тот однажды еще юношей перелетел на всем скаку через голову коня. И здесь его спасло на редкость крепкое здоровье. Сутуловатая фигура Кольцова была фигурой именно казака, кавалериста. И всякую животину он любил и, так сказать, чувствовал, ощущал, вплоть до веры в «сглаз»: хороший человек и на скотину хорошо действует, плохой и еже может «сглазить». «Эфто бывает»,— передавал брат Николая Станкевича Александр совершенно по этому поводу убежденное мнение Кольцова.

Кольцов действительно жил, как скажет он в одном раннем, наивном стихотворении, «среди природ». Для поэтической натуры трудно было бы придумать более полное, разнообразное, насыщенное воспитание самой природой, особенно степью. Эту-то степную стихию Кольцова ощутил Белинский, может быть, с тем большей остротой, что сам он во всей жизни своей был ее лишен: «Его юной душе полюбилось широкое раздолье степи. Не будучи еще в состоянии понять и оценить торговой деятельности, кипевшей на этой степи, он тем лучше понял и оценил степь, и полюбил ее страстно и восторженно, полюбил ее как друга, ка| любовницу... Правда, эта поэтическая жизнь была не без неудобств и не без неудовольствий, очень прозаических. Случалось целые дни и недели проводить в грязи, слякоти, на холодном осеннем ветру, засыпать на голой земле, под шум дождя, под защитою войлока или овчинного тулупа. Но привольное раздолье степи, в ясные и жаркие дни весны и лета, вознаграждало его за все лишения и тягости осени и дурной погоды».

Белинский же недаром называл степь и первой «школой жизни» для Кольцова, ибо «изучение действительности» во многом началось здесь же. Наверное, не случайно именно в степи Кольцов по какому-то наитию разом — как током ударило — ощутил себя поэтом. Авдотья Яковлевна Панаева вспоминала: «Раз Кольцов пил у нас чай; кроме него, были только Белинский и Катков. Кольцов был очень разговорчив и, между прочим, рассказывал, как первый раз сочинил стихи: «Я ночевал с гуртом отца в степи, ночь была темная-претемная и такая тишина, что слышался шелест травы, небо надо мною было тоже темное, высокое, с яркими мигающими звездами. Мне не спалось, я лежал и смотрел на небо. Вдруг у меня стали в голове слагаться стихи; до этого у меня постоянно вертелись отрывочные, без связи рифмы, а тут приняли определенную форму. Я вскочил на ноги в каком-то лихорадочном состоянии; чтобы удостовериться, что это не сон, я прочел свои стихи вслух. Странное я испытывал ощущение, прислушиваясь сам к своим стихам».

Конечно, все это вспоминалось через много лет, все это не простая запись рассказа Кольцова, передан сам рассказ обычным литературным языком (Кольцов писал и говорил иначе). Но, без сомнения, точно — не подделаешь — передано ощущение того, что называют словом «сошло», то состояние, которое существует в большом органичном поэте как бы уже вне его и само по себе, а самого поэта делает человеком «не от мира сего». Людьми простого здравого смысла так это и воспринималось, казалось чем-то вроде сумасшествия. Кольцовские приказчики вспоминают: «Малый-то он ничего был... да, знаете, чудаковат был: в сочинители записался. Где бы делом заняться, а он песни сочинять» (А. В. Попов). «Бывало, летом, в степи, особенно по вечерам, при солнечном закате, уже смеркаться начнет, а он, сердечный, и ну писать и ну писать. Я его — Лексей Васильевич! Лексей Васильевич! Куды тебе, не слышит, глядит как истукан. В ту пору совсем чудаком глядел» (Зенфиров).

Если так смотрели люди со стороны, приказчики, то хозяин должен был уже прямо с горечью воспринимать этот дар божий как божье наказание. «За грехи мои тяжкие,— выразился однажды отец в сердцах,— господь дал мне такого сына. Видно, уж нам судьба по миру пойти. Вот уж божье попущение».

Естественно, что и по географии переездов и по характеру деятельности приходилось видеть много людей, вступать с ними в разные отношения, попадать в разные обстоятельства. При этом сам народ часто представал по условиям прасольской жизни, так сказать, коллективом. «В деревне,— рассказывает тот же де Пуле,— где останавливается прасол, особенно после долгих и тяжких переходов со своим «товаром», наступает совершенный праздник,— наступают гульба и песни, пляски и хороводы, и всяческого рода угощения деревенской молодежи, особенно «красных девушек»... Сам прасол не остается дилетантом, зрителем этих забав; он принимает участие в песнях и в пляске».

«Кольцов,— подтверждает другой современник и очевидец,— часто приезжал на хутор, куда в праздничные дни приглашали из соседних деревень крестьянскую молодежь, устраивал хороводы и принимал в них участие. Кольцов сам пел песни и даже плясал». А позднее, с середины 30-х годов, Кольцов уже не только участник таких встреч, праздников, хороводов, но и наблюдатель, и собиратель, и этнограф. С 1837 года он, по собственным словам, «начинает собирать русские народные песни пристально». Конечно, собирать их и «копотно и трудно», тем более что дело повелось без чьих-либо советов, довольно кустарно, а «самому потрафить трудно», а «у нас о словесных предметах доброго слова и на рождество Христово не услышишь». Однако Кольцов тщательно будет записывать песню и не только песню, но самый обряд исполнения ее, осмыслять и комментировать.

Наконец, в общении Кольцова с народной песней появится с течением времени еще одна сторона. Поэту придется наблюдать, как воспринимает народ его собственную песню и как на нее отзывается. Приказчик Кольцовых М. В. Колыбахин рассказывал, что песни Кольцова уже были известны тогда некоторой части крестьянской молодежи: «Между девушками, бывшими в хороводах, дочь сельского старосты, Ариша, особенно хорошо пела «Отчего, скажи, мой любимый серп». Находил там Кольцов и критиков, в той же Арише, в которой он видел, по воспоминаниям очевидцев, личность высокого дарования: «Когда поэт читал ей стихи, то всегда прислушивался к ее советам».

Приходилось прасолам, как тем песенным ямщикам, и замерзать в степи и нарываться на разбой, подвергаясь опасностям смертельным. Известен случай и с самим Кольцовым, не поладившим в степи с одним из своих работников, который собрался хозяина зарезать. Прознавший стороной про это Кольцов достал вина, братался и пил с этим удальцом, если воспользоваться кольцовским же словом, «зачеред». Рассказ передан разными биографами, у Белинского он еще и резюмирован: «Этим опасность была отстранена, потому что русского мужика сивухою так же можно и отвести от убийства, как и навести на него... Вот мир, в котором жил Кольцов, вот борьба, которую он вел с действительностию!.. Не с одними волками, которые стаями следили за стадами баранов, приходилось ему вести ожесточенную войну...»

Кольцов действительно знал русского мужика в упор и, как говорил Белинский, сам был сыном народа в полном значении этого слова: «Он знал его быт, его нужды, горе и радости; прозу и поэзию его жизни,— знал их не понаслышке, не из книг, не через изучение, а потому, что сам, и по своей натуре и по своему положению, был вполне русский человек».

«Я русский человек»,— неоднократно заявит в письмах Кольцов. «Русский» в данном случае означает не только национальную принадлежность, но и особую близость к миру народному, «русскому» в отличие от европеизировавшегося «общества». В этом смысле Островский, например, сопровождает в своей «Грозе» список действующих лиц примечанием: «Все лица, кроме Бориса, одеты по-русски». «Алексей Васильевич,— рассказывает современник,— ходил в русском, длинный сюртук, волосы в кружок, фраков не имел...» Другое свидетельство: «Одевался он в длинный купеческий сюртук, сверху чуйка, подпоясанная кушаком, шаровары, конечно, в сапогах и т. п.».

Вряд ли кто-нибудь еще из наших литераторов, даже так называемых выходцев из народа, был столь тесно связан с жизнью народа, так вовлекался в нее изнутри ее самой, оказывался для мужиков не человеком со стороны, не барином — своим ли, заезжим ли. Здесь-то прасольство явно сослужило нашей поэзии великую службу. Без него ни русской природы, ни русского народа наш поэт никогда и нигде так бы не узнал.

А что до учения, то началась вечная для русских самородков и самоучек стезя: самообразование. Собственно, первоначально по детскому возрасту даже не самообразование, а просто чтение книг. Еще в уездном училище сдружились два купеческих сына, Кольцов и Варгин. Свела их страсть к чтению. Варгин вскоре умер, а Кольцов получил первое да и последнее в своей жизни наследство: умирающий юноша оставил другу несколько десятков книг. Эти семьдесят книг положили начало кольцовской библиотеке.

Книги, читавшиеся Кольцовым,— обычные той поры книги для чтения низов: Бова, Еруслан... Но уже попадалась и «большая» литература: роман Хераскова «Кадм и Гармония», сказки «Тысяча и одна ночь». Все это была проза.

В пятнадцатилетнем возрасте Кольцов узнает, что есть и стихи. Конечно, он знал уже народную песню, слушал в городе и в селе, пели сестры, а они умели петь, и Кольцов любил их слушать, пел сам. Но ведь это же была, так сказать, не литература, а как бы сама жизнь, ее часть, ее продолжение. И вдруг выяснилось, что есть еще и книги, написанные совершенно необычно — легко, гладко, красиво. Таким словом, наверное, нельзя говорить, можно только петь. И потрясенный мальчик запел. И уже всегда потом, всю жизнь Кольцов будет читать стихи нараспев, а чаще всего просто петь. Такова оказалась сила начального потрясения. Такая искра высеклась от этого первого удара поэтическим кремнем и таким ярким пламенем она вспыхнула. Собственно, здесь-то, очевидно, по сути, и совершилась столь значимая для всей современной и последующей русской поэзии встреча народного характера и мироощущения с «ученой» литературой образованных сословий.

Интерес к стихам теперь приобрел уже совершенно особый характер. Чтение прозы было отставлено, а на даваемые отцом деньги покупаются стихи: за Дмитриевым последовали Ломоносов, Державин, Богданович.

Получить книгу для жаждущего простолюдина было нелегко. Книгу нужно было достать, добыть. Общественной библиотеки в Воронеже тогда не было. Из стараний учредить такую библиотеку уже в 30-е годы ничего не получилось. А эти старания прилагал не кто иной, как сам губернатор. Дело в том, что в 1830 году начальником губернии стал Дмитрий Никитич Бегичев. Он известен каждому, кто хоть как-то знакомился с творчеством и биографией Грибоедова. Д. Н. Бегичев — один из друзей великого писателя. Полагают, что его брат Степан Никитич Бегичев — прототип, во всяком случае, один из прототипов Горича. Д. Н. Бегичев и сам был литератором,

автором большого романа «Семейство Холмских», посвященного жизни провинциального, конечно, воронежского, дворянства.

В бытность воронежским губернатором Д. Н. Бегичев неизменно помогал Кольцову в его делах и вообще относился к нему в высшей степени дружески. Был вручен «любезному Кольцову», как гласила надпись, и экземпляр «Семейства Холмских».

Однако в деле создания провинциальной общественной библиотеки писатель-губернатор, увы, не преуспел. Даже будучи открытой (в двух комнатах дворянского собрания), она все же вскоре зачахла, а сам ключ, как повествуется в одной из краеведческих летописей, был утерян. По сути, первая публичная библиотека учредится в Воронеже лишь через два десятка лет после смерти Кольцова, а некоторые из личных библиотек богатых дворян — основные тогда хранилища книг — откроются для него, когда Кольцов станет уже известным поэтом. Можно представить, какой

Гусиновка. Район старого Воронежа. Здесь родился А. Кольцов.

Фото начала XX века.

же манной небесной оказалось для молодого Кольцова знакомство с книгопродавцем Дмитрием Антоновичем Кашкиным.

Книжная лавка Кашкина стала и чем-то вроде книжного клуба — слово, может быть, не слишком удачно обозначающее небольшие сборы гимназистов, семинаристов, мещан и иного читающего люда, заходившего в невзрачную провинциальную лавочку посмотреть книги и потолковать о литературных новостях. Сюда забегал мальчик Кольцов. Забегал и припадал к книгам.

Кашкин не мог не увидеть и не поощрить такую любовь к книге и предложил мальчику безденежно пользоваться своим книжным собранием. А само собрание это было не совсем заурядным. Во всяком случае, есть одно свидетельство, что были там и произведения, ходившие по рукам в списках, и очень редкие древние книги. Наиболее нравившихся авторов юный Кольцов покупал, и они становились «своими». Из самых любимых оказались Дельвиг, Жуковский и Пушкин.

На протяжении пяти лет кашкинская книжная лавка была для Кольцова и училищем, и гимназией, и университетом, а сам Кашкин — литературным пестуном, наставником и критиком.

Он подарил юноше теоретический труд по стихосложению, вышедший еще в начале века: «Русская просодия, или Правила, как писать русские стихи, с краткими замечаниями о разных родах стихотворений». Кольцову исполнилось шестнадцать лет, и до того времени, когда он начнет писать действительно русские стихи, было еще довольно далеко.

В 1827 году Кольцовым подводились итоги довольно плодовитой стихотворной работы: тридцать шесть стихотворений составили большую тетрадь «Упражнения Алексея Кольцова в стихах с 1826 года с октября 1 дня. Выбранные лучшие и исправленные. Переписано 1827 года, марта 20 дня».

И если Дмитриев обращал свою медитацию к другу-поэту — «Послание к Н. М. Карамзину», то «Послание Якову Яковлевичу Переславцову» обращал и Кольцов. И тоже «медитацию» — размышление о превратностях судьбы, о бренности бытия. И тоже другу, да еще и родственнику: Яков Переславцов — его двоюродный брат по материнской линии. Он и поэт. Один из довольно многочисленных воронежских поэтов. Не нужно думать, что стихотворствующий купеческий сын Кольцов был здесь редкостью. Вокруг него такие стихи писали многие и много. Он жил уже тогда в довольно плотной литературной среде. Так что уникальность Кольцова определялась не тем, что он был стихотворцем, а тем, что он стал поэтом.

Через несколько лет Кольцов напишет Белинскому о литературной жизни Воронежа: «Особенное наводнение ощутительно в стихописателях». Сказано уже сверху вниз, точно и зло. Но пока он еще и сам не исключение в этом ряду и тоже пополняет общий поток таких стихов стансами и эпиграммами, мадригалами и посланиями, подобными, например, «Посланию к Е. Г. О.» (акростих). Игривые строки этого послания обращены к Елизавете Григорьевне Огарковой — купеческой дочке, замечательно красивой. Таким образом, «Лизанька милая», «Лиза дорогая», прямо названная уже и в самом стихотворении, отнюдь не условная Лизетта, столь характерная для карамзинско-дмитриевской поэтической традиции. Через много лет Кольцов обратит драматические строки к ее сестре Варваре — последней своей любви.

Драмой стала и первая.

В семье Кольцовых давно жила в прислугах крепостная женщина (юридически у недворян Кольцовых оформленная, естественно, на чужое имя). У нее росла дочь Дуняша. Росла вместе с дочерьми Василия Петровича, почти в их семье. Молодой Кольцов и Дуняша полюбили друг друга. Хозяйский сын и прислуга — коллизия довольно обычная, с, увы, довольно обычным, хотя и страшным исходом. Конечно, хозяин никак и мысли не мог допустить, чтобы единственный наследник и продолжатель дела связал себя браком с неровней. Тут-то выяснилось, что патриархальная близость отношений «господ» и слуг еще ни к чему не обязывает.

Во время одной из отлучек сына — молодой Кольцов уже самостоятельно вел дела — отец продал Дуняшу и ее мать в донские степи. Потрясенный юноша свалился в горячке и долго болел. Кое-как оправившись, сын доказал и страстность души, и решительность характера, и способность к самостоятельным действиям, тут же ускакав на поиски любимой. Долго скитался по Дону, посылал на розыски нанятых людей, но никого не нашел. Про расставание, про горькую любовь добра молодца, про несчастную долю красной девицы он потом будет петь не с чужих слов. А сама героиня и вся ее грустная история как бы перейдут в легенду, даже с разными вариантами. Есть легенда с «благополучным» концом. Дуняша хорошо вышла замуж, долго жила, после смерти поэта приезжала в семью Кольцовых и вместе с родственниками умершего поминала его и поплакала.

Есть другая — с концом уже совсем грустным. Ее особенность та, что она обставлена ссылками на свидетельства со многими достоверными подробностями. Вплоть до того, что сирота (!) Дуняша была куплена Василием Петровичем за пятьдесят рублей и что для того, чтобы разлучить влюбленных, отец отправил Кольцова в Петербург (Кольцов туда ездил, но позднее), что Кольцов хотел, чтобы она училась на фортепиано (было дело, но только с сестрой Анисьей и тоже много позднее), что, наконец, Кольцов после поисков нашел свою любимую, но уже измученную непосильной работой и душевными страданиями. И она умерла у него на руках. Конечно, в тот же самый день.

Все это легенды. Но интересно то, как вся эта история в сознании людей запечатлелась, то, что она стала легендой, то, что она как бы перешла в поэзию, в сказку. Перешла она и в поэзию самого Кольцова.

Нам эта история известна прежде всего в передаче Белинского, которому через много лет Кольцов рассказал о Дуняше: «Несмотря на то, что он вспоминал горе, постигшее его назад тому более десяти лет (этот разговор критика с поэтом происходил в 1838 году.— **Н. С.**), лицо его было бледно, слова с трудом и медленно выходили из его уст, и, говоря, он смотрел в сторону и вниз... Только один раз говорил он с нами об этом, и мы никогда не решались более расспрашивать его об этой истории, чтоб узнать ее во всей подробности — это значило бы раскрывать рану сердца, которая и без того никогда вполне не закрывалась... Эта любовь, и в ее счастливую пору и в годину ее несчастия, сильно подействовала на развитие поэтического таланта Кольцова. Он как будто вдруг почувствовал себя уже не стихотворцем, одолеваемым охотою слагать размеренные строки с рифмами, без всякого содержания, но поэтом, стих которого сделался отзывом на призывы жизни...»

К Огарковой обращался Кольцов-стихотворец, к Дуняше — Кольцов-поэт.

Превратиться из стихотворца в поэта для Кольцова значило запеть в своем оригинальном, неповторимом роде, с которым он и вошел в историю русской культуры,— в роде русской песни. В 1827 году, в короткую пору счастливой любви к Дуняше, и вылилась у Кольцова единственная тогда песня в народном духе, как бы прорыв к самому себе:

Если встречусь с тобой
Иль увижу тебя,—
Что за трепет, за огнь
Разольется в груди.

Если взглянешь, душа,—
Я горю и дрожу,
И бесчувствен и нем
Пред тобою стою!...

Недаром эта песня так привлекала самых выдающихся наших композиторов: М. Глинку, А. Даргомыжского, А. Рубинштейна,— они ощутили ее подлинность.

Продолжение следует.

Николай САВОСТИН

ГРЯДУЩЕЕ, ЧТО БЕЗ КОНЦА И КРАЯ

* * *

Ребенок просыпается в саду.
И, словно плод на ветке,
над собою
В листве увидев дальнюю звезду,
К ней тянется некрепкою рукою.
Пусть помнится ему через года
Видение, зовущее все выше:
Подрагивает дальняя звезда
Среди незрелых яблок, груш и вишен...

* * *

Грядущее, что без конца и края,
Грозить не может бедственным концом:
Ребенок завтрашний, себя же затевая,
В любви сегодня сводит мать с отцом.
Там, в будущем, все лучшие начала,
Мы ощущаем это неспроста.
И нет оттуда никаких сигналов,
Что там не жизнь, а тлен и пустота.

* * *

Листвы густая дрожь.
То, словно бы с отвеса,
Внезапно рухнул дождь
Над речкою и лесом.
И покатился гром
Вслед — весело жестокий.
И по земле кругом
Свирепствуют потоки.
Бьют струи, словно жгут,
Людей под тенты сгрудив,
Купальщицы бегут,
Поддерживая груди.
Шум неба, гул небес,
Внезапный смех и визги,
Где ветер под навес
В лицо швыряет брызги.
Дождя веселый пляс,
Минутное ненастье.
И опустевший пляж
Хранит улыбку счастья.

* * *

Дождь глухо небо заволок,
Земля до самых недр промокла.
Ступил — не выдернешь сапог,
А в поле сахарная свекла.
И тянут каждый грузовик
Два тягача до автострады
По вязкой глине напрямик,
Откашливаясь едким чадом.
Вот взвыли, глубоко застряв,
Гребут громадные колеса,
Бросая комья с гривой трав,
С натугой подвигаясь косо
До самого асфальта.
Тут,
Рванув, зарокотали глухо...
А тучи тяжкие ползут,
Деревья задевая брюхом.
И грузовик берет разбег
Под ношею, вобравшей лето,
Что станет белой, словно снег,
И сладкой, как работа эта.

* * *

...Описав громадную дугу,
Как заведено по распорядку,
Над таежным городом в снегу
Самолет заходит на посадку.
Город, вырываясь из-под ног,
Землю заслонил до окоема,
Чтобы легче выловить я мог
Средь новинок все, что мне знакомо.

Промелькнул зеленоватый лед
Озера, где я тонул подростком,
И огромный общий огород,
И за ним — знакомая березка.
На мгновенье вспыхнув под крылом
В серебристом нимбе от мороза,
Вновь она растаяла в былом,
В сердце тронув давнюю занозу.
Новые массивы, корпуса,
Где мерцают голубые вспышки,
Ухарски раздвинули леса,
Отогнали вверх до телевышки.
Погребли этаж по этажу
Давних лет и радости и беды.
С ревностью из-под небес гляжу,
Уступая часть окна соседу.
Трогает какой-нибудь пустяк,
Вдруг обдаст тебя печали ядом...
Длинные составы на путях,
Шиферные крыши серых складов.
В городе внезапно свет зажгли.
Вечереет.
Холодно и вьюжно.
Самолет касается земли,
Замыкая некую окружность...

* * *

Автострады, мосты, этажи...
И пейзаж стал казенней и суше,
Под линейку и циркуль сложил
Он свою прихотливую душу.
На холмы, перелески, луга
Поместив транспортир и лекало,
Как бестрепетно четко рука
Те конструкции все начертала.
Дух удобства повсюду проник,
Мощно техникой радости множа.
Сквозь железное горло родник
Выбегает в бетонное ложе.
Восторгаюсь. А все же, грустя,
Вспоминаю с душевною дрожью
Первородную землю...
Хотя —
Что жалеть? Неуют? Бездорожье?..

* * *

Зеленая листва в снегу
Осыпалась от ранней стужи:
Споткнулось лето на бегу,
Глядь, а зима над нею вьюжит.
Да не повсюду лист опал —
Горит,
в снегу по пояс стоя,
Кустарник лиловато-ал,
Березка светит желтизною.
Свеченье нежное листвы
Тех перелесочков заречных,
Кустарников, дерев,
увы,
Так хрупко и недолговечно.
И отзывается оно
В душе пронзительною нотой.
Снегами все заметено,
Светло
и больно отчего-то.

НАСКАЛЬНЫЕ РИСУНКИ

Хоть предков не только охота питала —
Корнями, плодами, травою питались,
Они же, однако, рисуя на скалах,
Об этом сказать никогда не пытались.
Живущий в холодной и темной пещере,
В душе ощущая к великому тягу,
Рисует наш предок охоту на зверя
И славит еще безотчетно отвагу.

Кишинев

СОКОЛОВО, 1943-Й

Карел РИХТЕР,
полковник
Чехословацкой
народной армии

Соколово... Кто у нас, в Чехословакии, не знает названия этой украинской деревни?! Весной 1943 года здесь разгорелись жестокие бои: чехословацкие и советские солдаты грудью стали против фашистских танков, защищая передовые позиции линии обороны на реке Мжа. 2 апреля 1943 года Совинформбюро сообщало: «На одном из участков фронта успешно действует сформированная в СССР чехословацкая воинская часть под командованием полковника Свободы. Южнее города Н. бойцы этой части были атакованы 60 танками и автоматчиками противника. Бойцы чехословацкой части в течение дня и ночи самоотверженно вели борьбу с противником и отразили все атаки гитлеровцев».

А история этой части началась в приуральском городе Бузулуке. В конце 1941 — начале 1942 года чехословацкие патриоты приступили к созданию первого пехотного батальона. Советское правительство разрешило и советским гражданам чешской и словацкой национальностей добровольно вступать в чехословацкие части.

Уже в феврале 1942 года удалось создать организационные основы первой части и начать обучение и подготовку командиров. Количество бойцов росло, каждый день приезжали все новые и новые добровольцы. Среди них были и женщины.

27 мая 1942 года Людвик Свобода пригласил в Бузулук руководителей Коммунистической партии Чехословакии во главе с Клементом Готвальдом. Их приезд и особенно речь, с которой Клемент Готвальд выступил перед воинами, собравшимися в зале кинотеатра, стали крупным рубежом в развитии формирующейся части.

Летом 1942 года, когда танковые колонны врага пробивались к Сталинграду, чехословацкие солдаты в Бузулуке требовали ускорить отправку на фронт. Поэтому командир части направил Верховному Главнокомандующему следующее письмо:

«В то время, когда Красная Армия ведет упорные и кровавые бои с немецко-фашистскими захватчиками, все наши солдаты и командиры понимают, что они не могут и не смеют стоять в стороне, и полны решимости как можно скорее принять участие в активных боях бок о бок с храброй Красной Армией. Наш героический и подвергающийся тяжелым испытаниям народ требует от своих граждан, находящихся за границей, отомстить активной борьбой за все его мучения и за совершенные против нашего народа и других народов мира злодеяния... Эти мысли и чувства наших воинов побуждают нас обратиться к вам с просьбой скорее разрешить нашему первому батальону сражаться на фронтах Великой Отечественной войны в братском союзе с частями Красной Армии...»

Советское командование удовлетворило эту просьбу. Батальон получил самое современное оружие и с помощью опытных советских инструкторов закончил боевую подготовку в зимних условиях.

27 января 1943 года батальон принял торжественную присягу, получил боевое знамя, к которому представители города Бузулука прикрепили ленту с надписью: «Смерть немецким оккупантам!» Через три дня эшелон с чехословацкими солдатами отошел от бузулукского вокзала.

— Вдоль железной дороги тянулись сожженные деревни, воронки от бомб,— вспоминает один из ветеранов.— Во время остановок занимались боевой подготовкой... Стоило нам где-нибудь, как, например, в Воронеже, встретиться с эшелоном Красной Армии, как немедленно начиналось братание. Сначала советским солдатам казалась странной наша военная форма, но как только они слышали славянский язык, сразу начинали радоваться, что чехословаки будут вместе с ними воевать на фронте. На вопрос, сколько нас, мы не решались ответить, что пока всего один батальон. Мы говорили, великодушно поводя рукой: «Нас много».

19 февраля эшелон прибыл на станцию Вальники. Дальше к фронту можно было двигаться только пешим маршем. Шли по ночам, чтобы не привлекать внимания фашистской авиации.

Настроение чехословацких солдат отражает экземпляр боевого листка «Наше войско в СССР», выпущенный на марше ко Дню Красной Армии: «Идя по полям боев январских сражений с немецким фашизмом, по сожженным, опустошенным городам и селам, мы лучше, чем весь остальной мир, чувствуем ненависть советского народа к врагу, его героизм, силу и мощь его армии. Мы гордимся тем, что можем воевать как его частица...»

К вечеру 1 марта 1943 года, после 350-километрового перехода чехословацкий батальон, восторженно приветствуемый жителями, прибыл в недавно освобожденный Харьков.

Было решено, что солдаты несколько дней отдохнут в этом городе.

Но в это время осложнилось положение на фронте. Противник наступал большими танковыми силами на Харьков, заходя во фланг атакующим войскам Воронежского фронта. Надо было остановить врага. Поэтому в сорока километрах от Харькова стали сооружать линию обороны вдоль реки Мжа. Первому чехословацкому отдельному пехотному батальону была доверена оборона пятнадцатикилометрового участка в составе 25-й гвардейской стрелковой дивизии.

3 марта 1943 года батальон двумя колоннами вышел из Харькова. После рекогносцировки на местности полковник Свобода с согласия вышестоящего командования решил выдвинуть оборону за реку, в деревню Соколово, и создать здесь противотанковый узел, который смог бы принять на себя и отразить атаку противника. Эту задачу вызвался выполнить командир 1-й роты надпоручик Ярош.

Советское командование укрепило батальон подразделением саперов, несколькими артиллерийскими батареями, две из которых заняли позиции прямо в Соколове. В лесу за рекой разместились «катюши».

И вот наступило 8 марта 1943 года. Тяжелое серое небо. Утих грохот выстрелов. В лесах на горизонте слышался отдаленный рокот танковых двигателей. Все было, как перед грозой.

В 13.30 внезапно показались вражеские танки. Наблюдатели насчитали четырнадцать машин. Из их стволов вырывалось пламя, в деревне рвались снаряды. Загудели орудия, завыли «катюши» со своих позиций за рекой. Поле покрылось огнем и дымом. Танки повернули обратно. Правда, три передних остались на месте. Из них валил дым. Открылись люки, оттуда вылезли танкисты в черной одежде и побежали к лесу. Солдаты в окопах ликовали. Они не подозревали, что немцы применили военную хитрость. Дым шел от шашек. В танках остались стрелки и водители.

В 15.30 примерно оттуда же показалось еще пять танков, наступавших на Соколово, а потом и еще шесть. Тут же ожили и три замерших танка. Ударили хорошо нацеленные залпы, которые сразу же подавили противотанковые орудия оборонявшихся. Танки с черными крестами устремились к деревне. За ними — бронетранспортеры с пехотой. Они обрушили шквальный огонь из орудий, пулеметов и минометов. Из тяжелых огнеметов вырывались длинные языки пламени.

Артиллерия и «катюши» за рекой открыли ответный огонь. Стреляли и с позиций соколовской линии обороны. Много вражеских машин загорелось, но отдельным танкам удалось прорваться к крайним домам и поджечь их. Но пехоту, высыпавшую из бронетранспортеров, удалось прижать к земле.

Надпоручик Ярош, по рассказам очевидцев, удивительно спокойно стоял на своем наблюдательном пункте на колокольне церкви, в самой гуще огня, и командовал боем. Он ввел в бой резерв. Наступали автоматчики Сохора. Во многих местах завязались рукопашные схватки. С обеих сторон росло число убитых и раненых. Было подбито много танков.

Тут враг ударил в центр и левый фланг обороны. Ярош ввел в бой последний взвод резерва. Сила атаки была сокрушающей. Защитники по приказу своего командира шаг за шагом стягивались в кольцо круговой обороны вокруг церкви. Ярош по телефону заверил командира, что не отступит.

Полковник Свобода направил на помощь 1-й роте десять танков и взвод ротмистра Ворача. Но танки, первый из которых провалился на подтаявшем льду, уже не смогли прорваться в Соколово. Взвод Ворача сам вступил в бой. Внезапной атакой он отбросил назад пехоту противника. В неравном бою с превосходящими силами противника почти все бойцы были убиты. Надпоручик Лом схватил противотанковое ружье, подбил один танк, но следующим был раздавлен. Подпоручик Франк руководил огнем противотанкового орудия и вместе с расчетом и орудием был раздавлен вражеским танком. Командира 1-го взвода Ружичку пуля сразила, когда он последним покидал горящий дом. Ротмистр Стейскал со своим взводом оборонялся на одной из позиций. Бойцы уничтожили десятки фашистов, но к концу боя почти все погибли. Ротный Валента, когда погиб расчет его тяжелого пулемета, один сдерживал врага, пока не был убит осколком снаряда. Десятник Прудек, раненный, вместе со своим отделением четыре часа удерживал дом, на который наступали танки. Свободник Кубеш был раздавлен гусеницей у своего противотанкового ружья, из которого до последней минуты вел огонь. Рядовой Шеда и свободник Селанич из своего пулемета уничтожили три цепи вражеской пехоты, а затем сами погибли под гусеницами танков. Погиб испанский интербригадник Игнац Шпигль вместе с расчетом тяжелого пулемета, погиб коммунист Гуго Редиш, наблюдатель Яроша. Сам надпоручик Ярош, когда бой приблизился к церкви, сбежал с колокольни с кровоточащей раной на лбу. Доктор Широкий хотел его перевязать, но Ярош вырвался у него из рук и организовал бой у церкви. Один из солдат видел его около противотанкового ружья. Другой позже видел, как он размахнулся, чтобы бросить связку гранат под гусеницы танка. Но пулеметная очередь прошила ему грудь.

Людвик Свобода принимает рапорт перед отправкой батальона на фронт.

Защитники Соколова выполнили свою задачу. Фашистам эта атака обошлась в 19 танков, 6 бронетранспортеров и более 300 солдат и офицеров.

Полковник Свобода приказал защитникам отойти на основные позиции, за реку. Однако связь была прервана. Солдат, посланный связным, был убит. Только следующий связной доставил приказ, и ротмистр Немец, принявший командование после Яроша, хотя и сам был ранен, организовал постепенное отступление с боями через реку.

Бои на реке Мже продолжались и в следующие дни. Оборона чехословацкого батальона была прочной. Все попытки противника пробить дорогу на Харьков были отражены. 13 марта батальон получил приказ отойти на Северский Донец. С успешным боевым крещением его поздравил маршал Василевский и Военный совет фронта.

1-й Чехословацкий отдельный пехотный батальон достойно представлял под Соколовом борющийся чехословацкий народ, не смирившийся с Мюнхенским соглашением и нацистской оккупацией. Боевые заслуги батальона были высоко оценены. Указом Президиума Верховного Совета СССР 84 чехословацких воина награждены советскими орденами и медалями. Отакару Ярошу, первому из иностранных воинов, было присвоено звание Героя Советского Союза. Полковник Людвик Свобода был награжден орденом Ленина. М. И. Калинин, вручая ему в Кремле награду, подчеркнул, что дело не в количестве участвовавших в боях чехословацких воинов, а в том, что они остались с Красной Армией в самое тяжелое для СССР время, когда другие считали его дело проигранным, что они верили советскому народу и его армии, верили в окончательную победу над врагом.

Бои под Соколовом заложили традиции чехословацко-советского сотрудничества, которое развивалось и постоянно обогащалось в дальнейших сражениях чехословацких военных частей в СССР, чехословацкой бригады во время боев на Правобережной Украине и армейского корпуса, принимавшего участие в освобождении Польши и Чехословакии.

Идут годы... Стареют и уходят из жизни ветераны. Но среди нас еще немало тех, кем гордится Чехословакия. Бывший автоматчик Рудольф Пешка — ныне инженер и кандидат наук, генеральный директор Витковицкого металлургического комбината, член ЦК КПЧ. Офицер связи батальона — ныне генерал-полковник запаса Мирослав Шмолдас. Мирослав Махач, который в то время молоденьким пулеметчиком сражался вместе с Ярошем у церкви,— ныне генерал и занимает ответственную должность в военной академии. Полковник запаса Франтишек Немец активно работает в Чехословацком союзе бойцов-антифашистов и организует поезда дружбы, приезжающие в Советский Союз. Можно было бы назвать и десятки других имен тех, кто к своим боевым заслугам прибавил самоотверженный труд на благо социализма.

среди книг

НАДЕЖДА, СТАВШАЯ ПОЭЗИЕЙ

Со словом «надежда» всегда связан оптимизм. Со словом «мятежный» неразрывно понятие тревоги. Сочетание этих двух слов дает ощущение молодости, в которой тревога и оптимизм сопутствуют проникновению в тайну. «Мятежная надежда» — название новой книги замечательного египетского поэта, ветерана арабской литературы, лауреата международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами» Абдуррахмана аль-Хамиси, вышедшей недавно в издательстве «Прогресс».

Один из основателей Организации писателей стран Азии и Африки, созданной четверть века тому назад, а ныне председатель ее международного жюри по присуждению премии «Лотос», Абдуррахман аль-Хамиси сегодня — живой классик арабской поэзии.

Позиция Абдуррахмана аль-Хамиси хорошо известна: борец, чей голос страстно звучал на волне радиостанции палестинской Яффы, призывал арабов оказывать сопротивление фашизму в годы второй мировой войны, на всю жизнь остался верен принципам своей мятежной юности. Он и сегодня занимает место на баррикадах борьбы. Он вместе с теми, кто летом этого года грудью встал на защиту Западного Бейрута от израильских агрессоров. Он с теми, кто у него на родине выступил против превращения страны в американский непотопляемый авианосец под кэмп-дэвидским парусом. Его голос и сегодня звучит так, как некогда звучал голос испанского поэта-антифашиста Лорки, чилийца Пабло Неруды, француза Луи Арагона.

Абдуррахман аль-Хамиси. «Мятежная надежда». М., «Прогресс», 1982, 288 с.

Он, безусловно, знает «задачу поэта» и его «роль в жизни», как писал известный египетский критик Луис Аввад о творчестве аль-Хамиси. Но, оставаясь поэтом-публицистом, он пишет не «статьи в стихах», а истинно поэтическое произведение, глубоко насыщенное лиризмом. Действительно, стихи аль-Хамиси — это не зарифмованные лозунги, как это иногда случается с поэтами-публицистами. Аль-Хамиси уходит от холодных поэтических абстракций в мир живых людей, согревающих его поэзию теплом своего человеческого дыхания. Его стихи, лирические и нежные, таят в себе, отмечала арабская критика, клокотание огненной лавы. Однако вулкан, на котором проходит вся жизнь поэта, таит в себе не только остроту и напряженность ожидания, но и тепло надежды. И новый сборник стихов, родившийся в этой клокочущей лаве мятежной надежды поэта, оторванного от родных нильских берегов, по-прежнему наполнен искренним чувством любви поэта к человеку, к людям.

И все-таки все помыслы аль-Хамиси так или иначе направлены к его родной стране, к Египту.

...Берег Сены.
Холодный гранит.
Ледяная тоска отчужденья.
Каждый день я
В плену наважденья.
Голос Родины в сердце звучит.

(Перевод С. Голубева.)

Но стихи аль-Хамиси дают и ответ на вопрос о том, что помогло поэту избежать этого отчуждения. Одиночество, изоляционизм, стремление замкнуться в скорлупе своих собственных переживаний чужды аль-Хамиси. Его стихотворение «Море» — это призыв к единству революционных сил:

Ведь море — нерушимый
монолит,
И, если грозно вздыбится
пучина,
Враг ни один пред ней не устоит
И всех их ждет
Бесславная кончина.
Одна ж волна,
Как ни грозна она,
Быть разнесенной в прах
обречена...
Идите ж вспять,
И, слившись в вал единый,
Вернитесь
И обрушьтесь на врага!

(Перевод С. Голубева.)

Аль-Хамиси лишен родины, но не одинок, потому что он выступает в ряду борцов против империализма и угнетения повсюду на земле. Он знает: «Чем более манишка свободы, тем чернее земля, закованная рабством народы. Вот опять о свободах затеяла басни газета... А в Гарлеме, в Нью-Йорке кричат негритянские гетто...» («Пираты XX века», перевод Ю. Паркаева).

Это знание почерпнуто из жизненного опыта поэта-интернационалиста.

В новом сборнике аль-Хамиси немало произведений, написанных за последние годы. Это такие стихи, как «Терезин», «Гимн свободе» и некоторые другие. Эти стихотворения впервые публикуются на русском языке. Само обращение поэта к темам, звучащим в этих произведениях, говорит о планетарном характере его творчества, в котором личные переживания («Что без тебя Париж?») сливаются с болью миллионов людей («Терезин»), чтобы переплавиться в душе поэта в «Гимн свободе». Его одинаково волнует и судьба палестинцев, лишенных родины (тема, столь созвучная и его собственному настроению), и кровь, пролитая на улицах Сантьяго-де-Чили, и память о людях всех национальностей, замученных в фашистских лагерях смерти.

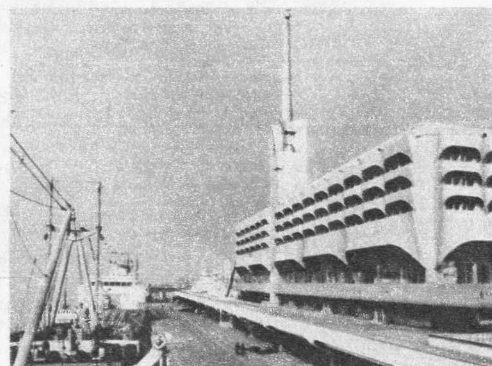
Тонкий лирик и страстный публицист, поэт аль-Хамиси одаривает читателя еще одной стороной своего таланта. В его «Рубайят», традиционных для арабской поэзии четверостишиях на философские темы, россыпь раздумий поэта, создающих удивительно красивый строй поэтических образов. В этом классическом жанре арабской поэзии аль-Хамиси выступает не только как поэт современного мирового звучания, но и как достойный продолжатель и соперник по мастерству среди поэтов золотой плеяды Багдадского периода средневековья.

В причудливом соцветье поэзии аль-Хамиси переплелись эпохи и континенты, имена вымышленных героев (царица Титишери) с именами людей, известных всеми миру (Гагарин). И все это льется в музыке единого потока поэзии, нацеленной на воспитание в человеке высоких чувств гражданственности, справедливости, творческого начала.

Поэзия аль-Хамиси давно уже получила мировое признание. В Советском Союзе его творчество известно не только по переводам стихов, но и по научным публикациям исследователей его поэзии. Новая книга стихов содержит обстоятельное «Послесловие» филолога-востоковеда Г. Шарбатова, которое, несомненно, удовлетворит любознательность тех читателей, которые пожелают проследить путь поэта в полноводном русле арабской поэзии. Это тем более важно, что А. аль-Хамиси, живущий сейчас в Москве, оставаясь глубоко арабским народным поэтом по характеру своего творчества, врос в многонациональную советскую литературу. И это особенно интересно отметить именно в эти дни, когда Советская страна только что отметила славный шестидесятилетний юбилей своего существования.

А. АГАРЫШЕВ

информация

ВСЕ ФЛАГИ В ГОСТИ

Издали он похож на парусник — изящный и стремительный, легко взмывший над голубой гладью весеннего залива. И привычное «железнодорожное» слово «вокзал» как-то не соответствует морскому романтическому облику этого необычного сооружения, выросшего в Гавани, возле исторического Шкиперского протока.

И тем не менее это вокзал — новый, морской, достойно представляющий архитектуру Ленинграда его гостям, прибывающим в город по воде.

Сложная задача стояла перед архитектором В. А. Сохиным, которому надо было не просто спроектировать многоэтажное здание, а объединить в гармоничный комплекс собственно вокзал и гостиницу на 600 мест. Новостройке предстояло стать одним из самых выразительных элементов в формируемом морском фасаде Ленинграда.

Сейчас можно с уверенностью утверждать, что со своей работой и зодчий и строители справились отлично. Удачной оказалась смущавшая сначала многих идея оградить лоджии навесными панелями из алюминия, формой своей напоминающими паруса, надутые ветром. Именно они придают удивительную легкость комплексу. Великолепна отделка внутренних помещений, выразительно большое панно «Город у моря», украсившее операционный зал. Но, пожалуй, главное — венчающий сооружение титановый шпиль с золоченым корабликом на вершине, вознесшийся выше своего знаменитого адмиралтейского собрата.

По достоинству оценили удобства, дизайн нового сооружения первые его гости — пассажиры и экипаж океанского лайнера «Клавдия Еланская», совершающего круиз по Балтике.

— В целом же за навигацию услугами морского вокзала воспользуются около двухсот тысяч советских и зарубежных туристов, — отметил его начальник В. П. Борисов.

Добавим, что прибудут они на тридцати судах под флагами разных стран мира, и сезон по объему перевозок обещает стать, пожалуй, самым насыщенным за последние годы. Так что новые морские ворота в Невской гавани распахнулись очень кстати...

О. ПЕТРИЧЕНКО,
собкор «Огонька»
Фото автора

Ленинград

Е. Моисеенко. ДЕВУШКА У ПЛЕТНЯ. 1982.

Е. Моисеенко. ВЕСНА. 1978.

СРЕДСТВО НОМЕР ОДИН? ЛОЖЬ...

среди книг

...Я обещаю вам кровь и слезы.
А мое слово — это слово.
И если уж я вам обещаю
кровь и слезы,
То все вы знаете, что это кровь
и слезы,
Не говоря уже о поте.
...Без всякой надежды будете
продолжать жить.
А мое слово — это слово.
И если я говорю, что будете
продолжать жить,
То некоторые действительно
будут продолжать жить.
Но не спрашивайте, ради чего...

Один из персонажей сатирической комедии, который изображал бывшего министра обороны Израиля Моше Даяна, должен был спеть со сцены эту обращенную к молодежи песню. Но слова показались израильским цензорам слишком похожими на правду, что и решило судьбу песни, как, впрочем, и самой пьесы. И ту и другую запретили. Чтоб не возникал лишний раз вопрос «ради чего?..».

Но именно этот вопрос все чаще задают себе молодые люди в Израиле. Именно этот вопрос звучит лейтмотивом книги советского писателя Цезаря Солодаря[1].

Сионизм и молодежь... Автор исследует эту проблему на основе большого документального материала, собранного им в ряде поездок по странам Западной Европы, а также анализа целого ряда исторических фактов.

Для того, чтобы представить себе полную картину того или иного сложного явления, необходимо проследить основные этапы его развития.

«Охота на молодых,— пишет Ц. Солодарь,— велась с первых дней возникновения сионизма.

Ему всегда нужна была молодежь. На всех этапах. Ему, и его сообщникам.

Даже если у сообщников были совершенно противоположные цели и интересы, но в основе идейной платформы стоял антикоммунизм, сионисты охотно отдавали им свою молодежь...»

Автор вспоминает события, которые происходили в его родной Подолии в 1919 году, когда один из наиболее одиозных лидеров сионизма того времени, Владимир Жаботинский, заключил договор с Петлюрой о формировании боевых отрядов из еврейской молодежи. Цель — совместная борьба против Советской власти. Методы набора — посулы и угрозы. И еще ложь. Скрывали от рекрутов, что сотни молодых еврейских рабочих и ремесленников Каменец-Подольска, Винницы и других городов Подолии ушли в те же дни добровольцами в Красную Армию...

Впрочем, и помимо этого случая, ложь была у сионистских заправил главным средством привлечения молодежи в свои ряды. Остается им и по сей день. На основе сопоставления многочисленных исторических фактов автор книги еще раз показывает читателю насквозь лживую сущность «настоящей национальной идеи» — основного прикрытия сионизма с самого момента его зарождения. Истинный смысл «идеи» был и остается однозначным — скрыть сугубо классовую природу сионизма как политики и практики крупной еврейской буржуазии.

Серия очерков книги — подробный рассказ о том, как уже в наши дни сионизм, используя эту пропагандистскую темную завесу, вербует в свои ряды новых рекрутов из числа еврейской молодежи. Вербует для продолжения подрывной антисоветской и антисоциалистической деятельности, для борьбы против национально-освободительных движений, в первую очередь на Ближнем Востоке.

Но туман лжи не может стоять вечно. Рано или поздно он рассеивается, и те, кто шел в этом тумане, начинают различать реальные, четкие очертания предметов. Так случилось со многими молодыми военнослужащими армии Израиля, которые принимали участие в варварской агрессии против ливанского и палестинского народов летом 1982 года. Это произошло и со многими из тех, кого сионистская пропаганда склонила к выезду на чужбину из Советского Союза и стран социалистического содружества. Личные встречи писателя с отчаявшимися, потерявшими веру в завтрашний день людьми убедительно повествуют об этом.

Вот отрывок из одной такой беседы.

«...— Плачем мы и на других советских фильмах,—призналась девушка.— Но этот особенно дошел до сердца. Не происходит в нем ничего исключительного. Обычная жизнь обычных москвичей. Мы теперь к этой жизни непричастны. Мы сами отказались от нее...»

«Какие бывают совпадения! — продолжает она.— Пришла из кино домой. Мама слушает передачу какой-то западногерманской радиостанции... Слышу, обозреватель полемизирует с «Литгазетой». Там напечатана, я поняла, беседа с мужем и женой. Они медики, под видом переезда в Израиль попали с сынишкой в Америку. Там здорово намучились. Им разрешили вернуться на Родину. Они называют свой переезд в Америку предательством. А западногерманский обозреватель ехидничает: придумано, не верю!.. А я верю, что они именно так про себя сказали...»

Книга Цезаря Солодаря адресована широкому кругу читателей, и в первую очередь молодежи. Она помогает разобраться в тех методах, которые применяет сионизм, ведя свою «охоту за душами», ставит во всей остроте вопрос «ради чего?» и убедительно, аргументированно на него отвечает.

А. СОКОЛОВ

[1] Цезарь Солодарь «Темная завеса», издание второе, расширенное. М., «Молодая гвардия», 1982 г.

ВЕТЕР В УПРЯЖКЕ

В Швеции, ФРГ, США в последние годы уделяется очень много внимания использованию энергии ветра. Разрабатываются и строятся маленькие и огромные, до 300 квт и более ветроэлектрические установки. На эти цели отпускаются миллионы долларов. Производством ветроэнергетических агрегатов заняты целые промышленные фирмы.

Это вполне закономерно, ибо энергия ветра имеет многие преимущества перед другими источниками энергии, используемыми человечеством. Она есть везде. Она неиссякаема. Энергия ветра — чистая энергия.

Недостатки ветровой энергии — разреженность и непостоянство — при современном уровне науки и техники являются уже не столь существенными, если ее использовать параллельно с тепловыми, водяными, атомными электростанциями.

Особенно заманчиво и перспективно применение ветродвигателей в сельской местности.

Ветер будет не только снабжать сельских жителей энергией для освещения, для бытовых приборов, но и обогревать дома, давать горячую воду. Одного ветряка вполне достаточно для одноквартирного дома. В холодное время, в периоды безветрия необходимая энергия будет поступать от электросети.

Об этом следует крепко подумать и быстрее делать. Игра, как говорится, стоит свеч.

А как оживят, украсят сельский пейзаж десятки работающих ветряков. Так же, как в былые времена украшали местность работающие ветряные мельницы.

П. ВОРОНОВ,
механик колхоза «Заря» Куменского района Кировской области

информация

СОВА-ГОРОЖАНКА

Всем хорошо известно, что сова охотится ночью, что она лесной хищник. Недавно мне довелось увидеть, как сова добывает себе пропитание. И где бы вы думали? Почти в самом центре Новосибирска, на Красном проспекте, недалеко от автовокзала.

Вечером шел влажный снег. Городские пичужки попрятались под карнизы зданий и выдавали себя негромкими голосами. Вдруг большая птица бесшумно, как тень, пронеслась вдоль карниза. Пичужки в страхе посыпались вниз. В испуганную стаю стремительно врезалась сова! Произошло все это невысоко от земли и на достаточно освещенном месте.

Навстречу мне выходил из-за угла дома какой-то человек. Он тоже оторопел, увидев необычную сцену. И вдруг, сорвав с головы шапку, мужчина, подчиняясь извечному человеческому чувству приходить на помощь более слабым, резко швырнул ее в сову: «Ух ты!»

Птица взмыла вверх и исчезла в темноте за крышами зданий.

М. ИСУПОВ,
член Всероссийского общества охраны природы

Новосибирск.

«Волга слушает!» Радистка — В. Кравцева.

Разрабатывается план обороны города. Слева направо: А. С. Чуянов — артист А. Власов, К. А. Гуров — П. Рябов, В. И. Чуйков — Е. Безмолитвенный, Н. И. Крылов — А. Трусов.

ГЛАВНАЯ ВЫСОТА РОССИИ

Б. СОПЕЛЬНЯК,
фото И. ГАВРИЛОВА,
специальные корреспонденты «Огонька»

Несколько лет назад вышла в свет книга легендарного военачальника Маршала Советского Союза В. И. Чуйкова «Сражение века». В предисловии автор писал:

«Более пятидесяти пяти лет я прослужил в Советской Армии, сражался за Родину и на сибирской земле, и на Урале, и в Белоруссии, и в центре страны. Но есть в огромной России город, которому отдано мое сердце. Жизнь моя оказалась неразрывно связанной с городом на Волге, который вошел в историю как Сталинград.

В Сталинграде я как бы родился во второй раз, выйдя по счастливой случайности живым из огня, в Сталинграде я осознал, для чего мне стоило жить, учиться, к чему готовила меня жизненная судьба».

Василия Ивановича Чуйкова уже нет в живых. Похоронен он в том городе, которому было отдано его сердце, на той высоте, которая на тактических картах была обозначена как высота 102,0, а всему миру известна как Мамаев курган. Именно на этом кургане и в его окрестностях осенью 1942-го — зимой 1943-го гремело сражение века.

Здесь решалась судьба Отечества. Здесь был сломан хребет фашистской Германии — произошел коренной перелом в ходе второй мировой войны. Именно здесь на каждый квадратный метр земли приходилось более тысячи осколков от мин и снарядов.

Более тысячи! Между тем человеку, защищенному лишь гимнастеркой, достаточно и одного. Но если этот человек — советский солдат, если он защищен отвагой, любовью к Родине и ненавистью к врагу, мало и тысячи. Он выстоял, этот солдат. И не только выстоял. Не только не дал напиться врагу из Волги. Но и победил.

Больше сорока лет прошло с той грозной поры. На месте разрушенного города вырос новый. На Мамаевом кургане воздвигнут величественный монумент — Родина-мать. Да и на улицах немало памятников, напоминающих о Сталинградской битве. Но совсем недавно появился еще один, если так можно выразиться, живой памятник — Волгоградский ордена «Знак Почета» драматический театр имени М. Горького осуществил постановку пьесы Ю. А. Винограденова «Главная высота».

— Идея создания пьесы родилась два года назад,— рассказывает Юрий Александрович.— Именно тогда я впервые побывал в Волгограде. Увиденное и услышанное так поразило, что я решил было немедленно засесть за пьесу, но вместо этого засел за архивные материалы. Изучал все, касающееся Сталинградской битвы, а я кандидат исторических наук и делал это скрупулезно. Как же я радовался, когда находил малоизвестные, а то и совсем неизвестные документы, раскрывающие героический образ советского человека! И еще мне нужны были донесения, письма, шифровки, радиограммы с «той» стороны. Ведь среди действующих лиц «Главной высоты» — и Паулюс, и начальник штаба армии, и адъютант, и даже Гитлер. Правда, на сцене Гитлер не появляется, но его голосом озвучены бессмысленно жестокие приказы, радиограммы... Короче говоря, сложность была в том, что исторически достоверные лица требовали достоверности и говорить должны были то, что говорили на самом деле. Мне здорово повезло, что я был хорошо знаком с Чуйковым, начальником штаба 62-й армии Крыловым, а также с Вучетичем — знаменитым автором монумента на Мамаевом кургане. В пьесе Вучетич выведен под другим именем. Но молодой скульптор Сергей, как и молодой Евгений Вучетич, всю войну носил в вещмешке глину, из которой лепил фронтовые портреты своих друзей и товарищей. А когда не было глины, использовал хлебный мякиш. Уже став всемирно известным мастером, Вучетич не раз с улыбкой вспоминал, что хлебные скульптуры, пожалуй, самые лучшие его работы; жаль только, что век их был недолог: порой, изготовленные перед завтраком, они доживали лишь до ужина.

Режиссер-постановщик спектакля В. В. Меньших — коренной сталинградец. Виталий Васильевич хорошо помнит разрушенный в прах город. Помнит, как его восстанавливали. Самая дорогая реликвия в его доме — пожелтевшая фотография отца: он прошел через весь ад Сталинградской битвы, чудом выжил. И погиб, дойдя до Смоленска.

Оформитель спектакля, главный художник театра Юрий Зимовец совсем молод. Но когда он узнал, что осенью сорок второго года бои шли в самом здании театра, что за кулисами были наши, а в партере — немцы, что с балкона били пулеметы, а в оркестровой яме засели автоматчики, у художника сама собою родилась идея оформления спектакля. Оркестровая яма — окоп, сцена — попеременно то командный пункт Чуйкова, то Паулюса, то площадь перед тракторным заводом. И повсюду проволочные каркасы человеческих фигур. Со временем Сергей превратит их в скульптуры — им жить в веках.

И вот премьера! В зале рабочие тракторного завода, молодые воины и самые строгие зрители — участники Сталинградской битвы.

Хлещут автоматные очереди, стучат пулеметы, сверкают сполохи «катюш»... Фашисты напирают. Уверенный Паулюс заявляет своим подчиненным:

— Вы должны знать, что Сталинград защищается русскими не только как крепость, имеющая стратегическое значение, но и как некий символ.

Вывод?.. Символ должен быть уничтожен, а Сталинград взят!

Положение было очень серьезным: силы 62-й армии расчленены, в нескольких местах немцы вышли к Волге. Они напрямую, из орудий и пулеметов обстреливают переправы. В этой ситуации Военный совет армии принимает решение: «Бой за город, как за последний рубеж, должен быть беспощадным для противника, и мы, советские воины, по зову партии и по приказу народа должны отстоять его или умереть. Третьего пути у нас нет».

Со сцены звучит сдержанно-напряженный голос В. И. Чуйкова:

— Я знаю только одно — проиграть Сталинградское сражение мы не можем!

— Не можем!— подхватывают рабочие-тракторозаводцы, вступающие в отряды народного ополчения.

— Не можем! — выносят резолюцию комсомольцы Тракторозаводского района, а секретарь райкома комсомола Лидия Пластикова на вопрос: «Есть ли уважительная причина для того, чтобы оставить боевую позицию?» — отвечает: «Есть. И только одна — смерть».

— Не можем! — восклицает боец батальона морской пехоты Михаил Паникаха.

Когда на позиции прорвались танки, он высунулся из окопа и размахнулся бутылкой с горючей смесью, целясь в ближайший танк. В это мгновение пуля разбила бутылку, и живым факелом вспыхнул Паникаха... Можно было зарыться в землю, попытаться сбить пламя. Но Михаил схватил вторую бутылку, выскочил из окопа и бросился на танк. Огромная вспышка огня поглотила и героя и вражеский танк.

Как символ будущей Родины-матери возникает женщина в черном. Это тоже реальный образ. Бойцы называли эту женщину Сталинградской матерью. В кошмаре боев она находит и теряет сыновей, погибает сама. Но именно ей через десятки лет будет суждено стать на вершине Мамаева кургана изумительным памятником человеческого подвига.

— У нас в стране много гор, больших и малых. Но только Мамаев курган назван главной высотой России,— не то что на весь зал, кажется, на всю необъятную Родину гремит хрипловатый бас В. И. Чуйкова. Голос этот слышат все. Но прежде всего слышат те, кто пролил кровь на этой священной высоте.

— Из двухсот дней и ночей Сталинградской битвы сто тридцать пять суток наиболее ожесточенные бои шли именно за этот курган. Сколько раз вершина переходила из рук в руки — этого никто не знает, таких свидетелей не осталось в живых. Но живут и вечно будут жить в памяти народной их легендарные подвиги. Родина не забудет их никогда.

АФРИКАНСКИЕ НАРОДНЫЕ СКАЗКИ

О ЧЕРЕПАХЕ, КОТОРАЯ ПОДНЯЛАСЬ НА НЕБО

Внимайте старинным словам, слушайте древние истории; иногда их рассказывают люди, порою слоны, антилопы или птицы.

Внимайте старине, берегите ее, иначе люди совсем забудут и то и это, а уж прогулку Черепахи на небо так и подавно.

Итак, будьте внимательны: мы уже в сказке.

...В джунглях праздник! С раннего утра и до позднего вечера птицы поют, свистят, болтают, кричат, веселятся, разговаривают, носятся по лесу, обсуждая на все лады радостную новость: они приглашены на великий пир, который устраивает для них королева — Жар-Птица высоко на небе, среди Белоснежных облаков, в чудесном замке Ветров.

В джунглях праздник!

С раннего утра и до позднего вечера птицы поют, свистят, кричат, болтают, разговаривают, веселятся, летают по лесу, готовятся к большому празднику, украшают себя и наряжаются. Они собирают голубые и красные цветы, вплетают в перья золотые лучи, а думают лишь о тех диковинных сластях, что будут в щедром изобилии на пиру в замке Белоснежных облаков.

Все в лесу мечтают попасть на пир — не только птицы, но и слоны, антилопы, тигры, однако же тот, кто не может летать, ограничивается сладкой мечтой о сказочном пире, одна лишь Черепаха восстала против природы, решив попасть на небо. Ей так захотелось попробовать небесных угощений, что у нее даже подвело от голода живот и изо рта потекли слюнки. Впрочем, это и неудивительно: вот уже два месяца, как в джунглях наступил ужасный голод, Черепаха так давно не ела, что ее тело звенело в панцире на каждом шагу, точно колокол.

Она нашла птиц возле ручья; фламинго, попугаи, печники, павлины, какаду, ара, колибри в последний раз перед дорогой на небо рассматривали в прозрачной воде свои отражения и прихорашивались.

Черепаха обратилась к ним с укором:

— Милые подруги, как же вы могли забыть меня, вашу родную сестру? Опоздай я немного, и вы бы улетели одни!

— Что с тобой, Черепаха? — удивилась колибри.— Неужели ты умеешь летать?

— Конечно! Да и вообще мне сдается, что я не черепаха, а птица!

— Но ведь у тебя нет крыльев! — засмеялась фламинго.

— Как нет крыльев?! — изумилась обманщица.— У меня есть два прекрасных крыла, но их закрывает мой противный, тяжелый панцирь! Всю жизнь я таскаю его на себе! Я лишь мечтаю о том миге, когда полечу вместе с вами, моими дорогими сестрами. Неужели вы оставите меня, несчастную птицу, на земле, а сами отправитесь на пир? — И хитрая Черепаха залилась горькими, но совершенно притворными слезами.

Обманщица так разжалобила легковерных птиц, что те, устроив совет, решили взять ее с собой. Для этого каждая дала Черепахе по перу; и вскоре она имела два прекрасных крыла, и все вместе отправились на праздник в небо.

Когда дворец Жар-Птицы, или, как еще называли ее, Огненного чуда, был уже совсем близко, Черепаха сказала:

— Сестры, я чуть не забыла очень важной вещи. Обычай требует, чтобы приглашенные на большой небесный праздник выбрали себе новые имена, как вроде бы на маскарад!

— Странно,— удивились птицы,— мы не слышали о таком обычае.

— Ах, что вы, что вы! Это наш очень древний птичий обычай. Уж доверьтесь мне, я много путешествовала и хорошо разбираюсь в таких вещах. Впрочем, если вы хотите осрамиться перед Огненным чудом, можете оставаться со своими старыми именами, вроде фламинго, какаду или колибри, какая скука!

Птицы, понятно, поверили хитрой Черепахе и придумали себе новые имена.

— А какое имя ты выберешь себе? — спросили они Черепаху.

— Называйте меня «Всёвам», смотрите, не забудьте! — ответила та.

— Всёвам,— повторили птицы несколько удивленно.

Прилетев во дворец, Черепаха в самых изысканных манерах приветствовала Огненное чудо, а когда гости подошли к столу, уставленному яствами, неожиданно спросила королеву птиц:

— А для кого же все эти сказочные угощения?

— Ну, конечно, это всё вам,— ответила Огненная Птица.

— Вы слышали, любезные подруги? — спросила Черепаха.— Угощение приготовлено для Всёвам, то есть для меня, так что подождите есть — ваш черед еще не пришел!

И Черепаха стала быстро-быстро поедать одно яство за другим, запивая кокосовым молоком из хрустальных рюмок.

Пока птицы сообразили, что Черепаха их одурачила, на столе ничего не осталось.

Птицы накинулись на обманщицу и отняли у нее свои перья.

— Спускайся на землю как хочешь, нам до тебя дела нет!

Черепаха попросила старого попугая передать ее родичам — другим черепахам — свою просьбу:

— Вели им собирать в кучу все мягкое, что есть в джунглях; я прыгну на эту кучу с неба и не разобьюсь.

Старый попугай решил проучить хитрую Черепаху. Он вернулся на землю и велел ее родичам собирать камни.

Черепахи собрали целую гору камней, но обманщица с высоты хорошенько не видела, что делается на земле, потому и прыгнула вниз.

Бум!!!

Она упала на гору камней, и ее панцирь раскололся на тысячи маленьких кусочков...

...Вы думаете, хитрая Черепаха умерла? Вовсе нет, все-таки ее спас панцирь.

Но именно с тех пор он такой смешной: весь склеен из кусочков.

И по сей день наказанная за свою ложь Черепаха ползает по земле; головка ее низко опущена; отныне она видит только землю.

⊡

О ПАПЕ-СОЛНЦЕ, МАМЕ-ЛУНЕ И ДОЧКАХ-ЗВЕЗДАХ

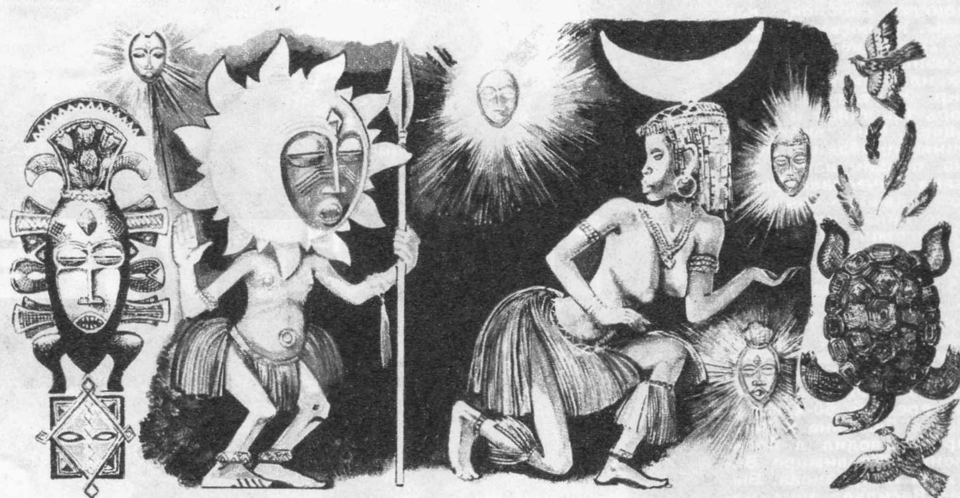

Рисунок А. ЛУРЬЕ

Очень давно Солнце и Луна были мужем и женою. У них были прелестные Дочери-Звезды, которые весело играли и резвились на небе.

Все было бы прекрасно, но у Папы-Солнца был ужасный характер: то и дело он впадал в страшный гнев, становился багрово-красным и бранил ни в чем не повинных Жену и Дочерей. В такие минуты Жена и Дочери очень боялись своего повелителя. Из-за ужасного характера Мужа Луна худела на глазах, а Дочери-Звезды вместо того, чтобы расти, становились все меньше и меньше.

И вот когда Папа-Солнце снова начал кричать, ругаться и даже замахнулся на Луну, та не выдержала, взяла с собой Дочек, и они спрятались от злого Мужа в самом дальнем уголке неба.

С тех пор Папа-Солнце никогда их больше не видел. Огорчению его не было предела. Он до сих пор ищет их: ранним утром появляется на небосклоне; с каждой минутой свет его становится все ярче и ярче, небо розовеет; вскоре ни одного темного уголка не остается во Вселенной. Но Луна и Звезды слишком хорошо спрятались, их ни за что не найти отныне: слишком сильна их обида.

Каждый день Папа-Солнце много часов подряд ищет Жену и Дочек, устав, уходит неутешным спать, наступает ночь...

И лишь когда Папа-Солнце засыпает, из своего тайника выходит первая Дочка-Звезда, за нею вторая, третья, и вот уже тысячи сестер красуются и сверкают на небе, а их Мама-Луна всю ночь освещает спящую землю сказочным голубым светом. Они знают: суровый Папа-Солнце спит и не видит их.

...Но как только на горизонте появляется первый тонкий золотистый луч, Мама-Луна и Дочки-Звезды прячутся в свой потаенный уголок, и снова приходит на землю Папа-Солнце, такой одинокий в бездонном голубом небе.

Перевела с французского
Ольга СЕМЕНОВА.

Этот репортаж передается из Мюнхена, когда известны лишь результаты первого этапа мирового первенства и чемпионата Европы. Хоккеистов сборной СССР можно поздравить еще с одним титулом — «Лучшая команда континента». Без осечек миновали они и отборочные состязания чемпионата мира. Правда, заметим сразу, что второй этап борьбы за «золото» мирового первенства все команды начинают с нуля и добытые в нелегких ледовых баталиях очки не будут засчитываться.

Менеджер сборной Канады небезызвестный А. Иглсон на днях не выдержал и в интервью с земляками-газетчиками похвастал, что ему удалось заинтересовать кого надо в международной лиге «Хоккей на льду» и на летнем конгрессе в Ницце в июне прошлого года был принят этот, мягко говоря, странный регламент чемпионата мира. Главные официальные соревнования сезона обычно организовывались в виде турнира, что, конечно, справедливо, а сейчас чемпионат проходит практически по кубковой системе: достаточно проиграть один матч в финальной пульке — и наверстать упущенное уже не удастся.

Хочется, однако, надеяться, что сбоя наши хоккеисты не допустят, как бы сильны ни были соперники. У нас сейчас боевая сборная, и под руководством опытных, дружно работающих тренеров — Виктора Тихонова и Владимира Юрзинова команда отлично подготовилась к чемпионату. (Любопытно, что сыновья обоих тренеров играют в рижской хоккейной команде «Латвияс Берз», и, случается, на лед выходят в одной паре защитники Тихонов и Юрзинов.)

— Перед отъездом в ФРГ,— рассказал нам форвард из горьковского «Торпедо» Александр Скворцов,— мы много занимались физической подготовкой, работали со штангой и неудивительно, что несколько утратили свежесть. В первых встречах в Дортмунде и Дюссельдорфе сказывалось также волнение, а некоторым звеньям не хватало сыгранности. Отсюда и такие скромные для чемпионов мира и Европы первые результаты со сборными ГДР и Финляндии.

Однако уже в третьем состязании прицельность атак возросла. Особо отметим, что случилось это в противоборстве с такой авторитетной в хоккее сборной, как команда Канады. Из восьми наших шайб (счет 8 : 2) по две забросили признанный снайпер С. Макаров и дебютант Михаил Васильев, по одной Владимир Крутов, Хельмут Балдерис, Игорь Ларионов и Александр Мальцев. Как видно, в третьем поединке прибавила мощи первая тройка, пошли шайбы и у форвардов звена Вячеслава Быкова, и до этого создавших множество моментов, но никак их не реализовавших. Выигрыш у канадцев, к слову, стал пятисотой победой советских хоккеистов на уровне сборных в 615 проведенных с 1954 года встречах.

Смотришь на ветерана Мальцева, дебютировавшего еще в далеком 1969 году, и его партнеров, новичков сборной В. Быкова и М. Васильева, и невольно вспоминается, как в середине 60-х годов на чемпионатах в Любляне и Вене Анатолий Фирсов вводил в большой хоккей юных Владимира Викулова и Виктора Полупанова. Быков и особенно Васильев акклиматизировались на чемпионате быстрее, нежели их ныне знаменитые предшественники.

О Васильеве следует сказать чуть подробнее. Он из подмосковного города Электрогорска. Отец и старший брат до сих пор увлекаются летом футболом, а зимой хоккеем. Неудивительно, что и Миша с четырех лет встал на коньки. Когда мальчику исполнилось восемь лет, отец повез его в Москву показаться тренерам клуба ЦСКА. Известному в недавнем прошлом защитнику сборной СССР Владимиру Брежневу Миша приглянулся отличным катанием, и его приняли в прославленный армейский клуб. Три раза в неделю стал он ездить на тренировки — два часа в один конец и столько же обратно. Не

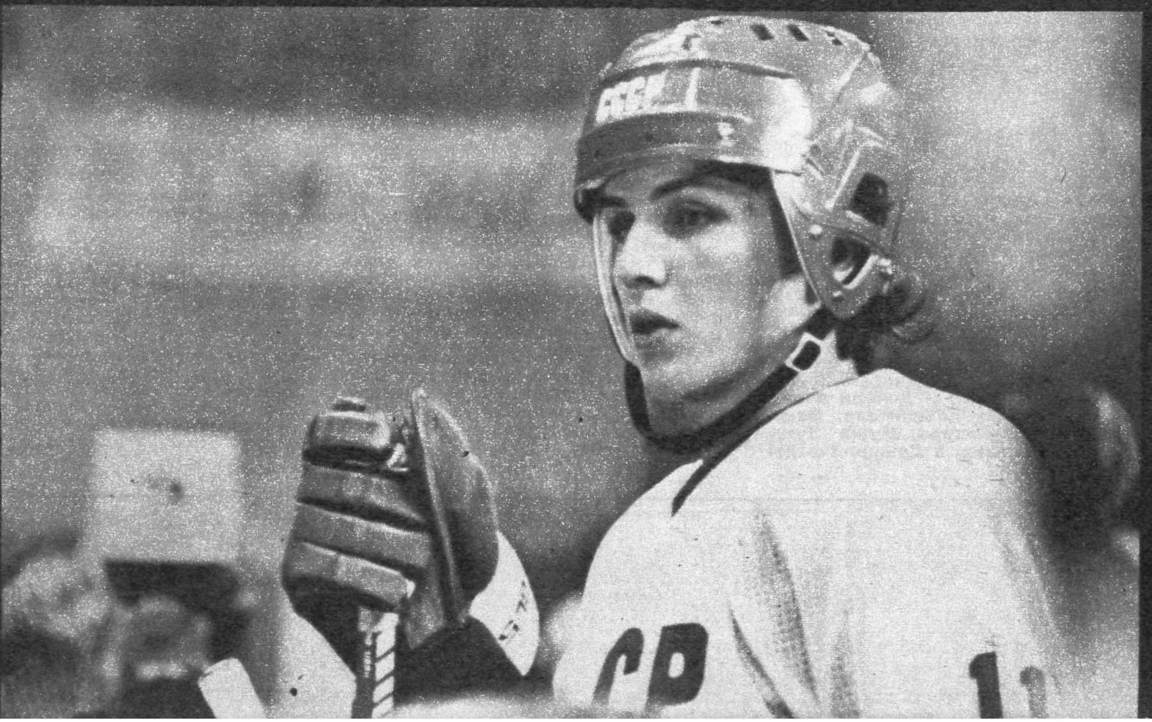
Встретились команды СССР и Канады.

В. Тихонов и В. Юрзинов.

ПО СТУПЕНЯМ ЧЕМ

И. Ларионов.

Советские болельщики.

Команда СССР победила.

ПИОНАТА

ПЕРЕД МАТЧАМИ В ФИНАЛЬНОЙ ПУЛЬКЕ

Фото А. БОЧИНИНА, специального корреспондента «Огонька»

Играют хоккеисты СССР и ГДР.

испугался дальней дороги и других трудностей и вот теперь играет в ЦСКА и сборной СССР. Его козырь — скорость. Товарищи в шутку прозвали его «Суматоха». Но пока он наводит панику не только на соперников, порой и на партнеров. Миша, хоть он и форвард, получил в сборной рубашку с номером 6. Под этим номером обычно играют защитники. Но, видимо, товарищи хотели дать понять Михаилу, чтобы он старался стать достойным преемником выступавшего под номером 6 такого корифея хоккея, как его однофамилец Валерий Васильев.

В трех заключительных матчах континентального первенства, проводящегося ныне в 60-й раз, наши ледовые бойцы выступали в Дортмунде, а затем и в Мюнхене, куда они перебазировались 25 апреля, отменно. Особо отметим победу 5 : 1 над сборной Чехословакии. В этой встрече поначалу отличились форварды звена Жлуктова, а в третьем периоде блистала тройка Ларионова. В этой встрече чехословацким хоккеистам удалось забить гол Третьяку, первый на нынешнем чемпионате. «С вашей командой трудно соперничать,— сказал нам чехословацкий журналист Навотный,— Третьяк ничего не пропускает».

Пока рано делать категорические выводы об игре соперников, однако некоторые соображения предварительного порядка высказать вполне уместно. Шведы, подкрепленные четырьмя профессионалами, начали победно, даже «задрали нос» и в «Парк-отеле» едва здоровались с игроками других команд, но потом скандинавы заметно сдали. Молодой тренер сборной страны Суоми А. Сухонен, выведший на декабрьском турнире «Известий» свою команду на второе место, думается, допустил по неопытности просчет стратегического характера. Он настраивал своих подопечных на выигрыш в первых встречах со сборными ЧССР и СССР. Это не удалось, а сил было затрачено очень много. После этого последовал срыв в матче с ФРГ, а затем и бледная игра с канадцами.

Чехословацким хоккеистам, как отметил Фетисов, теперь лучше удается игра в обороне, да и молодежь в нападении выглядит интересно. Из зарубежных команд о канадцах говорили и писали здесь за прошедшие дни больше всего. Поводом послужило, во-первых, то, что заокеанские спортсмены максимально воспользовались новым пунктом правил, разрешающим почти до самого последнего дня чемпионата не заполнять четыре вакансии в сборной для третьего вратаря и трех полевых игроков. Затем на все лады обсуждали игру маститых профессионалов, которые поначалу в разных матчах вызывали различные оценки — и хорошие и посредственные.

Среди тех, кто особенно внимательно следит за играми, один из известнейших в Канаде специалистов, бывший менеджер клуба «Монреаль Канадиенс» — Сэм Поллок. Это его первый чемпионат мира, хотя Поллок отдал хоккею 35 лет жизни.

— После Кубка Канады я твердо решил, что должен посмотреть чемпионат мира,— сказал он,— тем более, что сейчас мне поручена подготовка олимпийской команды. Сейчас выигрывают игроки тех команд, чьи тренеры не успокаиваются на достигнутом. Очень интересно проходят тренировки команд СССР, Чехословакии. На основании увиденного я могу сказать, что у этих сборных лучшие матчи на нынешнем турнире еще впереди.

— Канадская сборная обычно прибавляет в своей игре к концу чемпионата. К тому же говорят, что новая система турнира выгодна для «кленовых листьев»...

— Ни одна система не выигрывала медалей,— заявил Поллок,— их выигрывают команды. Мы придумали формулу проведения Кубка Канады и лишились его, проиграв всего одну, но решающую встречу. Но мы уступили великолепной команде.

...Когда пишутся эти строки, чемпионат еще продолжается.

В. ДВОРЦОВ,
спецкор ТАСС
для «Огонька»

Мюнхен.

ПЕСТРЫЕ СТРАНИЦЫ

НА ГРАНИ БЕЗУМСТВА

Новый вид спорта — автомобильная акробатика — находит приверженцев во многих странах. Ловкость, отвага, мастерство исполнителей номеров «авторoдео» вызывают восхищение зрителей. Но, как это нередко бывает, организаторы прибыльных «шоу» на Западе требуют от исполнителей — во имя кассовых сборов — все более рискованных трюков, порой граничащих с безумием. Примером тому служат выступления французского автомобилиста Даниэля Швалера, который со своей группой «Моторoдео» выступает с номером под названием «полет смерти». Это название не только реклама. Выброшенный в воздух специальной катапультой, он мчится высоко над землей в пылающем автомобиле, после чего приземляется на крыши сданных в лом автомашин. Грохот, скрежет металла, вопли зрителей... Нетрудно себе представить, что произойдет, если, скажем, заклинит дверцу горящего автомобиля...

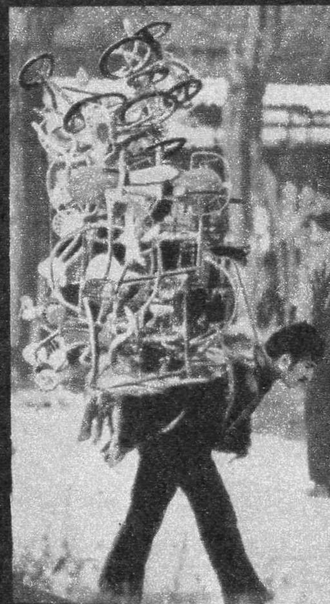
БРАЧНЫЙ ДУБ

Вековой дуб в уединенной части лесного массива Додауэр в ФРГ издавна привлекает внимание влюбленных — еще в прошлом веке его дупло (по инициативе одного предприимчивого коммерсанта) было зарегистрировано в качестве официального... почтового ящика. После одной счастливой свадьбы под сенью дуба этот почтовый ящик приобрел еще большую известность, которая сохраняется по сей день. Да, и сегодня идет поток писем с адресом: «Брачный дуб, лес Додауэр, п/я 2420». Письма шлют сюда из разных стран; многие и впрямь верят, что обмен письмами через это необычное «почтовое отделение» принесет им счастье в любви.

«ХУДОЖНИК» СЛОВА

Десять лет потратил лондонский служащий Джордж Барк на то, чтобы переписать от руки сочинения Шекспира. «С детства испытываю жажду литературного творчества,— признался он журналистам.— Но, увы, других способностей у меня не оказалось...»

МАГАЗИН НА... СПИНЕ

На улицах турецких городов нередко можно встретить торговцев, которые весь свой товар носят на спине, например, как этот продавец детских велосипедов и колясок.

Вячеслав КОНДРУСЬ

АКСЕЛЕРАЦИЯ

Еще совсем недавно до весьма преклонного возраста дети оставались всего лишь детьми. В тридцать пять лет великовозрастный «ребенок» мог запросто схлопотать от отца ложкой в лоб: «Цыц, пацан!»

Теперь дети растут и умнеют, как в сказке: не по дням, а по часам.

Ребенок еще не научился ходить и говорить, но уже умеет плавать и думать.

В пять лет он сочиняет философские стихи о смысле жизни и решает труднейшие задачи с несколькими неизвестными.

В школу поступает сразу в третий класс.

В семнадцать заканчивает институт, в восемнадцать женится.

В двадцать — кандидат наук. В двадцать пять — доктор.

В тридцать пять молодой академик делает очередной самостоятельный шаг — отделяется от родителей. И тут он узнает кучу интересных вещей. Оказывается, продукты берутся не из холодильника, а из магазина. Почему-то все время ломается магнитофон, а кран на кухне течет с другой стороны. Небритый тип с чемоданчиком беспомощно разводит руками, намекая на какую-то смазку. Соседи справа постоянно ссорятся, сверху ухает очередной рок-ансамбль. Сын Пашка разбил в школе окно...

Молодому академику становится грустно и тоскливо. Ему ужасно хочется прижаться лицом к добрым, теплым рукам, забыться и тихо шептать: «Мама! Мамочка!..»

В. СЕЛИВАНОВ

СИГНАЛ

БАСНЯ

Однажды звери и зверята
Решили выдвинуть куда-то
Делегата.
И выбор пал на хомяка,
Смышленого и честного зверька.
Казалось, дело решено,
Но...

Тут суслик выступил:
«К чему аплодисменты?
По правде говоря,
За хомяка мы голосуем зря:
Ведь он не платит алименты!»

«Помилуй! — шепчет еж. —
Ты что плетешь?
Нет у него детей — он холостой,
И разговор затеял ты пустой».

«Неважно, — суслик отвечал
И покрутил усами. —
Моя задача — дать сигнал,
А разбираются пусть сами!»

Таких сигнальщиков бы за усы — и на мороз.
А мы их слушаем. И иногда всерьез.

Рисунки Э. ДЕСЯТНИК

ПОЕДИНОК

Николай **ДОЛЖЕНКОВ**,
Сергей **СОЛОДОВНИКОВ**

В конце квартала Тимофей Лукич Брылин окончательно пришел к выводу, что спасти горящий план универмага, в котором он работал коммерческим директором, может только... нечистая сила. И Тимофей Лукич решился...

Вызвать дьявола из преисподней было, конечно, непросто, но за долгие годы работы в торговой сети Брылин оброс такими могучими связями, что мог достать и черта в ступе.

Итак, в условленный час в кабинет Брылина, вежливо постучавшись, вошел моложавый брюнет в серой, безукоризненного кроя тройке, галстуке в тон и черных изящных полусапожках, при ходьбе издававших звук, напомнивший Тимофею Лукичу цокот рысаков на городском ипподроме, куда он хаживал в дни своей тревожной молодости. В руке брюнет держал фирменный «дипломат» с числовым замком. Лишь по легкому запаху серы, исходившему от незнакомца, Брылин догадался, с кем имеет дело.

— Желаете заключить со мной сделку? — осведомился гость, усаживаясь в удобное полукресло.

— Желаю, — подтвердил Тимофей Лукич.

— С условиями знакомы? Согласны? — спросил дьявол, доставая из «дипломата» чистый бланк контракта и набор фломастеров.

— Не совсем,— ответил Брылин.— Простой обмен моей души...

— Грешной,— вставил черт.

— Не суть,— спокойно отреагировал Тимофей Лукич и продолжал: —...На исполнение желаний меня не интересует. Я предлагаю вам поединок.

Нечистый изобразил на своем лице вопрос.

— Поясню, — продолжал Брылин.— Я поставлю перед вами задачу, вы передо мной — свою. Если вы справитесь с моим заданием или я не справлюсь с вашим — моя душа, как говорится, в вашем распоряжении. Если же наоборот, тогда вы поступаете в мое распоряжение.

— То есть?

— Я имею в виду в штат нашего магазина. Скажем, на год. Должность — увы! — незавидная...

— Ну, а если мы оба справимся с заданиями, в чем я, правда, сильно сомневаюсь? — спросил дьявол.

— Я тоже,— парировал Тимофей Лукич.— Тогда останемся при своих. Меня это вполне устроит.

— Меня также,— сказал дьявол.— Я принимаю ваш вызов.

После того как в контракт были внесены необходимые изменения и договаривающиеся стороны скрепили его своими подписями, был брошен жребий. Начинать выпало нечистому.

— Ну что ж,— после некоторого раздумья сказал дьявол,— торговых задачек я вам давать, конечно, не буду. Здесь ваши возможности, судя по всему, безграничны.— Тимофей Лукич скромно потупил взор.— Меня лично больше интересуют чистые науки. Как вы относитесь к математике?

— Положительно,— честно сказал Брылин.

— Вот и прекрасно. В свое время, пытаясь заполучить душу одного математика, я, если можно так выразиться, обжегся на одной задачке. О теореме Ферма слыхали что-нибудь?

— Слыхал,— соврал Брылин.

— Именно на ней я и погорел. Впрочем, не я один. Этой теореме уже больше трехсот лет, а она до сих пор не доказана. Вот если бы вам, Тимофей Лукич,— дьявол лукаво улыбнулся,— удалось найти ее решение...

— Поищем,— оборвал его Брылин.— К какому числу нужно?

Дьявол грустно вздохнул:

— Во времени я вас не ограничиваю, но думаю, дня за три вы убедитесь, что эта задача неразрешима. Тогда зовите — я не заставлю вас ждать.

С этими словами дьявол дематериализовался. Тимофей Лукич открыл настежь окно и с удовольствием глотнул свежего воздуха. Удушливый запах серы постепенно сливался с бензиновым ароматом улицы. Вернувшись к столу, Брылин достал свою пухлую записную книжку и долго искал в ней нужный номер телефона...

Через три дня гость из преисподней снова сидел в его кабинете.

— Фантастика! Непостижимо! — ошеломленно воскликнул он, не в силах оторвать взгляд от листка бумаги, на котором была начертана искомая формула.— Вы сата... простите, я хотел сказать: чародей. Но как вам это удалось?!

— Как обычно,— ответил Тимофей Лукич.— Позвонил кому надо — выручили.

— Но ведь над этой задачей бились целые поколения математиков! — не мог успокоиться дьявол.— Ваши знакомые просто не могли этого сделать!

— Когда я прошу,— осадил его Брылин,— мои знакомые не отказывают мне ни в чем. Однако вернемся к делу. Теперь мой ход.

— Выкладывайте, — подавленно сказал нечистый.

— Моя задачка совсем простая,— с плохо скрываемой иронией начал Тимофей Лукич.— У нас тут на складе затоварилась партия обуви калядинской фабрики. Так вот, нужно до конца квартала всю ее распродать. В вашем распоряжении две недели. С богом... простите, я хотел сказать: действуйте!

...Через год, получив расчет, дьявол зашел к Брылину проститься.

— Срок принудительных работ истек,— мрачно сказал он.— Я ухожу.

— Очень жаль,— искренне сказал Брылин.— Трудно нам без тебя будет. Сейчас с уборщицами еще хуже, чем год назад. Просто днем с огнем. Может, останешься? Я тебя на три ставки пристрою.

Дьявол отрицательно покачал своей рано поседевшей головой.

— А хочешь,— в голосе Тимофея Лукича зазвучала надежда,— еще раз сразимся? На тех же условиях, а?

— Нет уж.— Дьявол погрозил Брылину пальцем.— Вы эти свои штучки бросьте. Думаете, я не знаю, что вчера на склад плащи утюжинского комбината завезли?..

Юмор

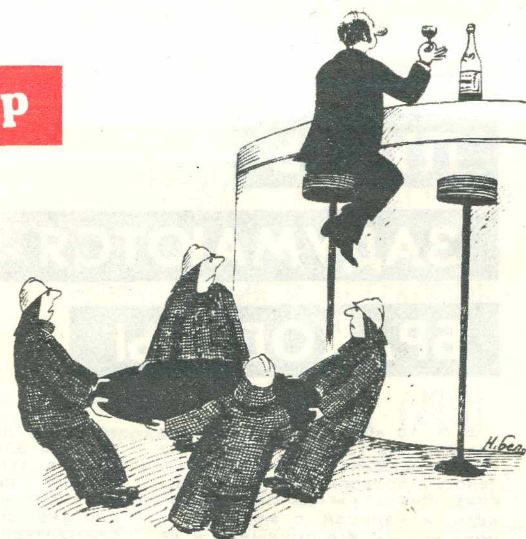

Рисунок Н. Белевцева (Белгород)

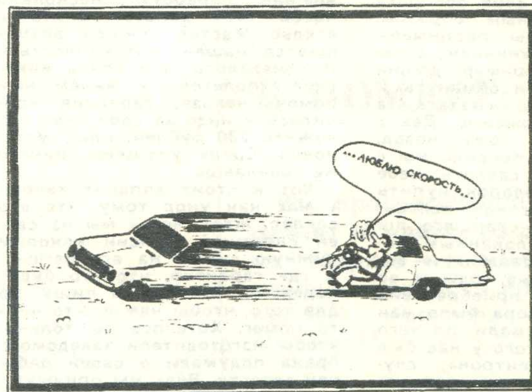

Рисунок В. Чаусова (Ростов-на-Дону)

Рисунок В. Воеводина

Рисунок Е. Милутки

ПОЧТА · ПОЧТА «ОГОНЬКА» ПОЧТА · ПОЧТА

ПУСТЬ ЗАДУМАЮТСЯ БРАКОДЕЛЫ

В № 13 «Огонька» прочитали мы рассказ Григория Пруслина «Компенсация», и очень захотелось продолжить этот рассказ. Очень уж он правдивый, хоть и написан о мелочах, к которым мы все привыкли и не обращаем внимания.

Очень часто любой из нас может попасть впросак в самых непредвиденных обстоятельствах, дать себя обобрать самым бессовестным образом. И не всегда мы поднимаем шум, чаще скромничаем, стесняемся. Мы, например, добровольно дали себя обмануть и поставить, можно сказать, в безвыходное положение. Два с небольшим года тому назад, перед уходом на пенсию, мы с мужем решили сделать себе дорогостоящий подарок, купить в рассрочку цветной телевизор. Нам, людям старшего поколения, не избалованным никакими излишествами, не видавшим в молодые годы и во сне таких вещей, приобретение цветного телевизора было как праздник, вот, думали, до чего мы дожили. До этого у нас был черно-белый «Электрон», служивший верой и правдой не один год, и при покупке нового мы решили взять телевизор этой же марки — «Электрон-722», черно-белый же не сдавать, а оставить на всякий случай. Итак, мы приобрели дорогостоящую игрушку. Но радость была недолгой. Очень скоро наш телевизор захандрил, закапризничал, как кисейная барышня. Сын вызвал мастера, который обнаружил вышедший из строя кинескоп. Дата выпуска телевизора 11 июля 1980 года, дата покупки — 29 июля этого же года. Кинескоп заменили по гарантии 22 декабря 1981 года. И, конечно, не без волокиты.

Не думайте, что после этого все стало в порядке. Хорошо хоть догадались в свое время оставить черно-белый телевизор. Нашу цветную капризницу берегли, включали лишь по праздникам. Но, к сожалению, часто безуспешно. Обидно както стало держать в доме никчемную вещь, и опять обратились в ателье. Что-то там заменили, выписали квитанцию на 7 рублей 40 копеек, и несколько дней можно было наслаждаться. 11 января 1983 года опять пришлось обращаться в ателье. Опять подкрутили, подвинтили, выписали квитанцию на 11 рублей, и телевизор кое-как поработал несколько часов. Что делать? Опять в ателье. Мастер пришел, возмущается нашей назойливостью. Но оказалось, что опять кинескоп «полетел» и ничем нам помочь нельзя, гарантия кончилась и надо за свой счет выложить 230 рублей, плюс установка. Сроки упущены, ничего не поделаешь.

Вот и стоит аппарат теперь у нас как укор тому, кто его сделал, ждет, когда мы из своей скромной пенсии накопим нужную сумму на его ремонт. А где гарантия, что это будет надежно? Все это я пишу не для того, чтобы нам кто-то чем-то помог. Хотелось бы только, чтобы изготовители заведомого брака подумали о своей рабочей совести. Ведь мы привыкли к отличному качеству отечественных товаров, да и вообще очень хотим, чтобы все НАШЕ было «САМОЕ-САМОЕ». У нас, например, рижский холодильник «Сарма» вот уж второй десяток лет доживает без ремонта, почти столько же работает пылесос «Ракета», а наручные часы «Звезда» идут и идут четверть века. Вот это качество! А ведь эти вещи сравнительно с цветным телевизором недорогие. Так что же, дорогостоящие вещи не должны быть долговечны? А Знак качества? Что он значит? И на кого брак рассчитан?

Если наши слова дойдут до бракоделов, будем чрезвычайно благодарны.

С уважением
супруги МЕЛЬНИКОВЫ
(пенсионеры)

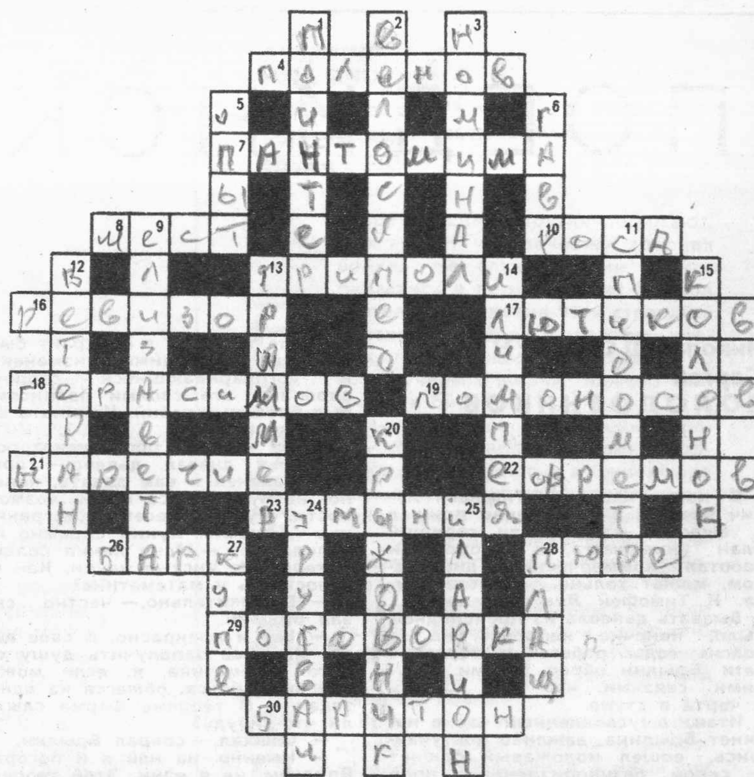
Мукачево,
Закарпатской обл.

СКОРО ЛЕТО

Много лет всей семьей читаем журнал «Огонек». В № 12 за этот год нас заинтересовала заметка Л. Матвеева «Манка» для любимой». У нас во Владивостоке можно купить хорошую, красивую обувь. Дело не в этом. Приближается лето, все мы наденем туфельки на изящных каблуках, а набойки на них, как известно, «летят», только успевай ставить. Вот тут-то и возникает проблема. В мастерских ставят набойки из резины, кожи и кожзаменителя. Ставят быстро, безотказно, стоимость их тоже невелика, но хватает их на неделю — не больше. Раньше, когда в моде была «шпилька», иногда к новой паре обуви полагались дополнительно сменные набойки. Это было очень удобно, практично. Сейчас в моде тоже тонкий каблук, но вот металлическую набойку днем с огнем не найдешь. Правда, расторопный «частный сектор», расположившийся в крошечных фанерных будках у рынков, вблизи вокзалов, все же находит выход из положения и ставит металлические набойки. Стоимость их значительно выше государственной, но очереди около них не скудеют. Дорого, но надежно, раз и навсегда, как говорится. Я понимаю, что редакция не может повлиять на ремонт обуви, но хочется надеяться, что мое письмо прочтут не только рядовые читатели, но и те, кто непосредственно занимается починкой туфель и может тоже что-либо придумать, как придумал Эдуард Николаевич Мирза свою «манку».

Г. РЯЗАНОВА,
киоскер «Союзпечати»

Владивосток.

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 4. Русский живописец, автор картины «Московский дворик». 7. Вид сценического искусства. 8. Спортивный снаряд для прыжка в высоту. 10. Атмосферная влага на почве, траве. 13. Столица Ливии. 16. Комедия Н. В. Гоголя. 17. Персонаж романа А. А. Фадеева «Молодая гвардия». 18. Народный художник СССР, лауреат Ленинской премии. 19. Первый русский ученый, естествоиспытатель, поэт. 21. Часть речи. 22. Народный артист СССР, режиссер. 23. Государство на юге Европы. 26. Морское парусное судно. 28. Кушанье из протертых овощей, фруктов. 29. Образное выражение. 30. Мужской голос.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Охотничья собака. 2. Педальная машина. 3. Нарицательная стоимость ценных бумаг, банкнот. 5. Эксперимент. 6. Порт во Франции. 9. Действующее лицо трагедии И. Ф. Шиллера «Мария Стюарт». 11. Прибор, указывающий скорость движения автомобиля. 12. Старый воин. 13. Конвейер, передвижная погрузочная машина. 14. Приток Нижней Тунгуски. 15. Пушной зверек. 20. Ягодный кустарник. 24. Река в Южной Америке. 25. Древнерусский писатель. 27. Помещение для пассажиров в вагоне. 28. Непромокаемое пальто.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 17

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 5. Институт. 7. Бидструп. 8. Кемпинг. 10. Нимейер. 12. Аллия. 13. Вахня. 15. Суренка. 17. Интернат. 18. Наутилус. 19. Финал. 20. Янтарь. 21. Фиалка. 23. Денан. 25. Гаттерас. 27. Аргумент. 28. Микешин. 29. Жатка. 31. Лазер. 32. Австрия. 33. Гилельс. 34. Горновой. 35. Золотник.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Ангелина. 2. Кисея. 3. Асеев. 4. Бурундук. 6. Триест. 7. Бамиан. 8. Кибернетика. 9. «Героическая». 10. «Непсабадшаг». 11. Радиокомпас. 14. Ондатра. 16. Кубанго. 22. Батальон. 24. Инвенция. 26. Смурый. 27. Анализ. 30. Автор. 31. «Льгов».

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Праздничное настроение у труженик латвийского колхоза «Страуме».

Фото А. Бочинина

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Московский май.

Фото Дм. Бальтерманца

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, ГСП, Бумажный проезд, 14.

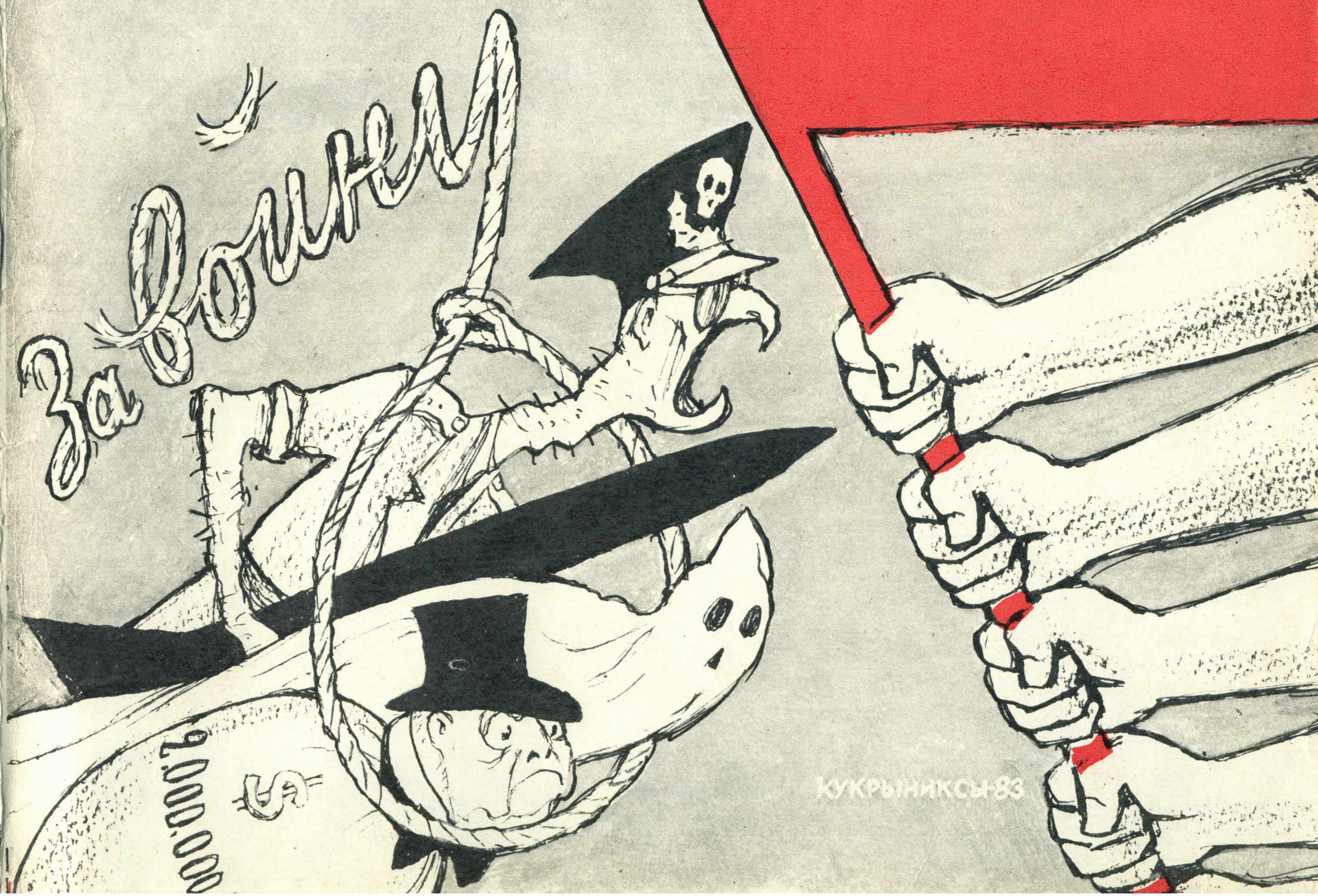
Оформление Е. М. КАЗАКОВА

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-25-27; Отделы: Внутренней жизни — 250-56-88; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Поэзии — 250-51-45; Критики и библиографии — 251-21-46; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 11.04.83. Подписано к печати 26.04.83. А 00661. Формат $70\times108^{1}/_{8}$. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 18,20. Тираж 1 810 000 экз. Изд. № 1130. Заказ № 439.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

ЗА МИР

ISSN 0131—0097
Цена номера 40 коп.
Индекс 70663